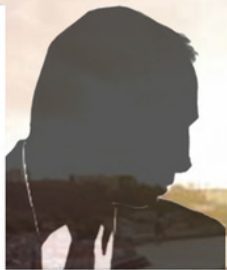

18+

ЭДУАРД МАЙНИНГЕР

ЧЕЛОВЕК, О КОТОРОМ ГОВОРЯТ НОСТРАДАМУС

Эдуард Майнингер Человек, о котором говорил Нострадамус

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25927827
ISBN 9781386831662

Аннотация

Книга для тех, кто живет буднично и просто, но не желает, чтобы обыденность стала нормой, не хочет смиряться с вечной повседневностью, а «хотел бы вырваться за пределы этой скучной и постылой реальности». Учение Карлоса Кастанеды многим известно по книгам, и кажется, что удивительные события могут случаться только где-то там, среди кактусов и смуглых аборигенов. А на самом деле магией можно управлять и в нашей действительности. История любви и верности, пронизанная магическими искрами, складывается в необычные пазлы повествования.

Действия разворачиваются в России и Германии. Герой собирается эмигрировать в ФРГ, учится, работает, имеет широкий круг общения и обширное поле для применения учения Кастанеды. Имена людей изменены, но время, последние десятилетия XX века описаны зримо, точно и совершенно узнаваемы.

Реальные события представлены в книге или это выдумка изошренного ума? Открытая сердечная искренность, душевная боль автора, странная последовательность происходящего – можно ли такое придумать или пережить на самом деле?

«Этому подлому миру не удалось меня уничтожить, как он того желал. И в этом только моя заслуга и моя победа. Победа над смертью и мраком этой жизни».

Содержание

Предисловие автора	5
Детство	7
Начало самостоятельной жизни	20
Завод	53
Моя любовь	68
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Эдуард Майнингер

Человек, о котором говорил Нострадамус

*Поторопитесь восхищаться человеком, ибо
упустите радость...*

Японская мудрость

Предисловие автора

Здравствуй, дорогой мой читатель, конечно, если эти слова дойдут до тебя – ведь я не знаменитость и мое имя тебе ни о чем не говорит.

Я долго думал, прежде чем взяться за перо. В наше время не принято говорить о своей боли, все просто стараются перекричать друг друга о своих успехах. Но я устал жить под бременем прошлого. И мне не стыдно рассказать тебе свою историю. Жаль, если ты сочтешь все это просто выдумкой. В этом случае мой скромный труд был действительно напрасным.

Моя история – это история грустного одиночества, это история жизни, прожитой впустую, конечно, с точки зрения обывателя, и очень жаль, если ты являешься одним из них. Тогда я просто не советую тебе даже листать страницы моей

короткой, но страшной жизни.

Это история трагической любви и верности. Есть в моей истории и маленько детективного. Но главное в ней – ее магический элемент. Этот момент я считаю точкой отсчета всех событий, которые произошли со мной, позже круто изменив мою жизнь.

Прежде всего моя книга будет интересна тем, кто знаком с трудами дона Карлоса Кастанеды. Это интересно тем, кто хотел бы вырваться за пределы этой скучной и постылой реальности. Но каждый должен помнить, что все имеет свою цену.

Я был одним из первых, кто на практике применил это учение, как только книги Кастанеды появились на прилавках книжных ларьков в 90-е годы. Но об этом больше ни слова. Сделай выводы сам, если мне удалось разбудить твой интерес. Напоследок скажу только одно: эта история правдива – она писана кровью...

Все имена изменены.

Детство

Я родился 1 октября 1970 года в пору золотой осени. Моя мама рассказывала мне, что, когда она выносила меня из родильного дома, шел настоящий снег. Так само небо отметило мое рождение.

Родился и вырос я в рабочем шахтерско-металлургическом городе Новокузнецке Кемеровской области на юге Западной Сибири. Город наш был большой – семьсот тысяч жителей. Мои родители были интеллигентами в первом поколении. Отец – немец, потомок немецких колонистов Поволжья, а мама – русская.

Когда я вспоминаю о своем далеком детстве, то в памяти всплывают прежде всего мои костыли. Дело в том, что я страдал хроническим остеомиелитом левого бедра. Периодически в бедре накапливался гной, повышалась температура организма, и нога не сгибалась. Требовалось хирургическое вмешательство. Впервые заболел я в два года. Простыл и застудил ногу, гуляя в бабушкином свинарнике. Но самый тяжелый рецидив я перенес в свои шесть лет – загноилась кость. Я с ужасом вспоминаю, как я лежал в больнице, и мне промывали кость пенициллином. По вечерам ко мне приходил мой любимый папа и читал мне сказки, а следом за ним приходила медсестра с двадцатью флаконами пенициллина. В сгиб моей левой ноги в кость была постоянно вставлена

большая игла, заткнутая специальным крючком. Медсестра вынимала его и вставляла большой шприц с лекарством для промывания. Нога при этом мучительно ныла.

Подобные сеансы промывания проводились каждый вечер. Это был полный ужас для меня, но со мной рядом всегда был мой любимый отец. Это придавало мне маленько сил и мужества. Позднее рецидивы были в двенадцать лет и последний раз в пятнадцать лет, но это уже было не так серьезно, как во второй раз. Вообще я был очень хилым ребенком, часто простывал и болел.

Когда мне было шесть лет, у меня появился младший брат, чему я был очень рад. Я хотел назвать его Андреем, а моя бабушка – Женей, но мама назвала его Максимом. Он, в отличие от меня, оказался не подвержен всякой хвори.

Вскоре я пошел в школу. Надо сказать, что парнишкой я был толковым, и поэтому учеба давалась мне легко. В начальной школе я учился только на «отлично», в старшие годы на «хорошо» и «отлично». Но в моем аттестате о среднем образовании все-таки есть одна тройка – по русскому языку. «Увы, для немца это нормально», – успокоил я себя.

В нашем старом дворе, состоящем из хрущевок-пятиэтажек, у нас были разные развлечения. Моим любимым был бокс. Наши подвыпившие старшаки собирались на веранде детского сада, находившегося поблизости, давали нам, девятилетним пацанам, боксерские перчатки и заставляли боксаться. Я, любивший смотреть бокс по телевизору, часто по-

беждал, забывая своего противника. А вскоре все мы, участники тех «спаррингов», пошли заниматься в настоящую секцию бокса. Нашим тренером был мужчина с волевым благородным лицом английского джентльмена.

Занимался боксом я где-то полтора года в детстве, потом отцу на его работе дали новую квартиру в другом – Центральном районе, и мы переехали в трехкомнатное жилье.

Теперь у нас появился просторный зал, и больше не стучал трамвай под окном. Первое время от тишины звенело в ушах. Я закончил шестой класс в старом Кузнецком районе, и начались каникулы. Они ознаменовались для меня событием с большой буквы.

Дело в том, что на отдел, в котором работал мой отец, выделили одну путевку в пионерский лагерь на Черном море – «Юный пограничник». Это санаторный лагерь для детей, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

В отделе на путевку претендовали двое: я и дочь сотрудника моего отца. Решили дать тому, кто закончит учебный год лучше. Я уже разочаровался и мысленно отказался от путевки, потому что считал себя невезучим. Учился как обычно, не проявляя особого усердия.

Но фортуна улыбнулась мне, и путевку получил я, закончив учебный год всего на один балл выше, чем моя конкурентка. У меня было три «отлично» при остальных четверках, а у нее всего две.

Начался сбор справок для лагеря. В конце концов все бы-

ло собрано. Я думал, что эти справки в самом лагере не нужны, а нужна только история болезни, и поэтому сложил все аккуратно в конверте в свой письменный стол. Поздно вечером мы выехали в аэропорт, чтобы успеть на первый утренний рейс в Симферополь. Ночевали мы с мамой прямо в аэропорту города Новокузнецка.

Проснувшись рано утром, я увидел, как за огромными стеклами аэропорта шел снег, и это летом. Вскоре пришла наша сопровождающая, и начался сбор и оформление документов для лагеря. И – о черт! – нужны были все справки, которые я оставил дома. Старшая сказала: или я представлю справки, или остаюсь дома. На мое счастье, стояла нелетная погода, и все просто сидели на багаже в аэропорту. Моя мама помчалась на такси в город за справками. Через два часа она вернулась, сказав, что обегала всю поликлинику, собрав их. Я удивленно заметил: «Зачем ты это делала, ведь все они лежали в моем письменном столе?» Мама расстроилась, что я не сказал ей это сразу. Мои документы старшая группы приняла. Все было в порядке. Сейчас я осознаю, как выручила меня природа нелетной погодой, а то сидеть бы мне дома и не увидеть тогда Черного моря из-за этих чертовых справок.

И вот мы прилетели в Симферополь, откуда нашу группу отвезли автобусом в Евпаторию прямо в лагерь. В нашем шестом отряде все оказались на один год младше меня, только один парень был моим ровесником. Автоматически я стал лидером в нашей палате кемеровчан. И, как всегда, уже в ла-

гере мне снова не повезло – я простыл и опухло ухо. Меня на две недели положили в изолятор. Выходить на улицу из него не разрешалось. Пока другие наслаждались Крымом, я банально валялся на больничной койке.

Половина сезона была выкинута на свалку. Наконец меня выписали и жизнь началась. Я аккуратно посещал все лечебно-профилактические процедуры. Их было три: грязевые аппликации термальные ванны и массаж.

Вскоре я познакомился с девочкой, которая понравилась мне с самого начала. Звали ее Ирой Козловой, ей было двенадцать лет, и она была из украинского Мелитополя. Она тоже всего один раз переболела остеомиелитом на ноге – на голени.

Она была очень красива и ярко сексуальна, у нее были вполне развиты все женские прелести. Мы дружили, это была детская чистая любовь. На танцах я всегда с ней танцевал. А однажды на вечеринке с вокально-инструментальным ансамблем (такие у нас устраивали по выходным) я сбегал в парк и принес ей букет белых роз. Воспитатели были возмущены. Но их мнение было мне безразлично.

Но все хорошее рано или поздно подходит к концу. Наступил и у нас день отъезда. Я прощался с ней. Мы обменялись адресами и решили переписываться. Потом ее забрали родители на своем ВАЗе, а мы поехали в аэропорт.

Домой долетели нормально. Я был обижен на нее: дело в том, что мы – я и мои парни – провожали ее, когда она

уезжала с родителями, но она даже ни разу не обернулась, чтобы посмотреть на нас из окна машины. Это заметили все. Я был оскорблен.

Вскоре я получил от нее письмо, где она сообщала, что при воспоминаниях обо мне у нее на глазах наворачивались слезы. Аналогичные чувства испытывал и я. Но мне ясно было также и то, что у нас нет будущего. Мы были еще дети, и нас разделяло огромное расстояние. Поэтому после ее третьего письма я написал ей просьбу не писать мне больше.

Так закончилась моя первая любовь. Надо было теперь после всего этого готовиться морально к новой школе, новому классу. Что ждет меня впереди? Я волновался.

И вот осенью 1 сентября 1983 года я отправился в новую 11-ю школу города Новокузнецка. Она не относилась к району моего проживания, но мой отец договорился с директором. Его цель была устроить меня позже в девятый математический класс. А пока я начал учебу в простом. Взяли меня в 7-й «В» и посадили за парту с очень развитой в женском плане девицей. К тому же у нее было красивое томное лицо. Ее звали Оксана. Вообще в моем классе оказались три очень красивых девочки. Это Новикова, Дамова и Зятикова – каждая была красива в своем стиле. Моей любовью стала Инга Зятикова. Я любил ее тайно. Дело в том, что она была влюблена в одного старшеклассника по имени Стас, фамилии, к сожалению, не помню. Любовь ее была безответной. Я понимал, что у меня нет шансов с Ингой, поэтому скры-

вал свои симпатии. Я не считал себя покорителем женских сердец, может, и зря.

Жизнь в новом классе текла мирно до первой демонстрации на 7 ноября. Я пришел на нее, как обычно, одетый в свою куртку, привезенную мне отцом из ГДР, и в моей старой цигейковой шапке, в которой ходил всегда. Я привык так ходить еще в своей старой школе. Но сейчас моя шапка вызвала взрыв насмешек надо мной. Один одноклассник – Максим Куличенко – очень метко и потому особенно обидно назвал меня пастухом. Я готов был сквозь землю провалиться, у меня начался нервный тик – задергалась губа. Ведь я был так чувствителен. В старой школе мы все знали друг друга с первого класса, многие были бедны, нам и в голову не приходило смеяться друг над другом из-за каких-то тряпок. Но иные нравы царили в новом коллективе, здесь надо было одеваться на уровне и носить минимум заячью шапку. Как все это грустно вспоминать, когда тебе сорок.

После этой демонстрации, где я так опозорился, Оксана начала регулярно высмеивать меня. В поле ее зрения попадало все: мои часы, мои ботинки, мой пластиковый дипломат, который пах копченой рыбой, так как отец брал его однажды с собой в командировку в Керчь, откуда привез копченой рыбы.

Я люто возненавидел эту «леди» с ее утонченными притязаниями и поведением деревенской телухи. Но я всегда отличался адским терпением и дипломатичностью. Мы поми-

рились. Возможно, она была просто неравнодушна ко мне.

Но если это и были зародыши чувства, то до этого я просто еще не дорос. Моя цель была терпеть, учиться и спокойно уйти в математический класс. Всех весельчаков же ожидало ПТУ уже после восьмого класса.

Итак, я пережил неприятный шок из-за этих дурацких тряпок. Но это я быстро преодолел своей хорошей учебой, дерзким нравом, а кроме того, я возобновил занятия боксом.

У меня появился первый настоящий друг – Андрей Сизов. Он был моим одноклассником и сыном нашего учителя по труду. Его в классе некоторые недолюбливали, почему – не знаю. Впервые он пришел ко мне в гости на Белана – так называлась моя улица. Но я захлопнул дверь перед его носом, соврав, что мне некогда. На самом же деле причина была иной. Наша квартира была пустой – в зале не было мебели. Ведь мы переехали из двухкомнатной хрущевки в просторную трехкомнатную квартиру, а мебель еще купить не успели. Отец сказал мне, чтобы я не водил в дом своих одноклассников – квартира была пуста и надо мной будут смеяться. Во проблемы в мои четырнадцать лет! Но история с шапкой в общем-то подтверждала горькую правоту его слов. Я упорно отклонял все попытки визитов ко мне. Но Сизов оказался упорным и пришел во второй раз. На этот раз я его впустил скрепя сердце и приготовился отшучиваться. Чертова мебель!

Действительно, войдя в зал, Андрей даже присвистнул от

наших пустынных просторов. Но я пресек всякие домыслы о нашей бедности, просто сказав, что мы недавно переехали и еще не успели купить хорошую мебель. Ведь мы жили в Советском Союзе, и проблемы были тоже советские.

Особенно я страдал от того, что не мог привести в гости одноклассницу. Одна мне очень нравилась, и что мне очень запомнилось, она проявляла знаки внимания ко мне. Ее красота была северной – холодной и благородной. Это была очень стройная фигуристая блондинка с яркими синими глазами.

Но спорт помогал занять досуг, отвлечься от горестных дум и эротических мыслей. Вскоре в мою спортивную школу пришел и Андрей Сизов. Мы стали работать с ним в паре на тренировках. Во время вольного боя мы месили друг друга не жалея. Обид не было – мы были мужчинами, и это был спорт для настоящих мужчин. Иногда мы лупцевали друг друга до крови.

Так шло время. Вот уже и заканчивался мой восьмой класс. Я получил первые корочки о восьмилетнем образовании. На носу висели два года математического класса. Желания идти в него не было никакого. Я знал, что придется распрощаться с нашими красотками Дамовой и Зятиковой и уйти к математическим уродинам. Я сказал отцу, что не хочу в маткласс. Батя взорвался, заявив, что только из-за этого я вообще учусь в 11-ой школе. Делать было нечего, и я пошел в этот класс одаренных умников. Чертово племя! Бокс, ра-

зумеется, тоже пришлось оставить – как я сейчас жалею об этом! Все время только математика. Вообще, как я сейчас оцениваю, маткласс пошел мне на пользу.

Он научил меня самостоятельно трудиться. В нашем классе было четыре настоящих звезды – победителей физико-математических олимпиад; кроме того, все четверо пришли из английской спецшколы.

Это Люда – как умна, так и некрасива, Саша – математический сухарь, Илья – мужик-тудяга и Володя – придурковатый гений. Андрей Сизов тоже пошел в этот класс, но предал меня сев за парту с гением. Конечно, чтобы списывать. Я же сидел один на задней парте, как волк-одиночка. По крайней мере за эти два года я не списал ни одной задачи. Всего я добился тогда только своим упорством, и моя четверка по математике заработана честно. Я горжусь этим фактом.

Вскоре в девятом классе наш учитель по математике сказал нам, что есть такой чудесный журнал «Квант» для школьников, и посоветовал его всем выписать. Я заинтересовался и сделал это. Этот журнал впервые открыл мне глаза на мое физико-математическое убожество. В нем был раздел, называвшийся «Задачник Кванта», где были задачи такого уровня, который не под силу простым смертным. Кроме всего прочего, в нем были статьи, варианты вступительных экзаменов в серьезные вузы и в частности объявление о приеме в заочную физико-математическую школу при Новосибирском государственном университете. Господи, и все это

было бесплатно. Так я начал учиться еще и заочно.

Мне приходили методички с теорией и контрольными задачами, последние я решал и отсылал обратно в Новосибирск. Если с математикой проблем не было и я почти всегда получал «отлично», то с физикой пришлось потрудиться.

Но парень я смекалистый, и вскоре я достал два сборника задач с решениями: один – экзаменационные НГУ второй – ФМШ НГУ (физматшколы Новосибирского университета). Получив контрольную по физике, я выискивал эти задачи в одном из двух сборников, почти всегда они были там. Но решения я не списывал, ведь в задачнике оно дано коротко, а в контрольной ты должен его еще и объяснить. Просто я добивался правильного решения сам. А книги помогали мне.

Так я заработал свое «хорошо» по физике. Заодно я оценил себя как физик и понял, что физический факультет НГУ просто не для меня. Но физика восхищала меня.

В эти же годы я увлекся научно-популярной литературой. В сферу моих интересов входили физика, астрофизика, физика элементарных частиц. Особенно в области астрофизики я перечитал много книг. Восхищала меня эволюция звезд-гигантов, конечной стадией которых являются черные дыры. Заниматься физикой черных дыр было моей мечтой. Но для науки я был, к моему сожалению, туп. Я не был победителем физматолимпиад, увы. Конечно, денег на книги у меня не было, поэтому приходилось их просто красть в магазине «Техническая книга». Что поделаешь, меня тянуло к знани-

ям.

Как-то я разговорился с Ильей на перемене. И он открыл мне секрет, как он сам стал умным. Просто, сказал он, каждый вечер я решаю по тридцать – сорок задач по физике. Верно, в основе всего лежит труд, как говаривал мой отец.

С тех пор я тоже начал усердно заниматься физикой – решал по двадцать – тридцать задач за вечер. Я занимался по задачникам МФТИ и НГУ – самым серьезным. Вскоре я настолько преуспел, что начал задумываться – а не рвануть ли мне в Московский физтех после десятого. Но я быстро опустил на землю, решил быть скромнее и рубить сучок по себе. Я интуитивно полагал, что МИФИ – вот мой институт. В Москве солидная школа, а главное, вступительные билеты по физике с математикой не доставляли мне никаких проблем. В Новосибирский госуниверситет я тоже боялся ехать, хоть он и имел массу преимуществ, а именно: близко от дома, академгородок очень красив – я был там в Зимней школе, и главное – очень серьезная научная база, ведь Новосибирск – это Сибирское отделение Академии наук бывшего СССР. Но опыт занятий физикой заочно показал, что я мог бы «пролететь» на экзамене по физике на физфак НГУ, с математикой проблем бы не возникло. Как ни заманчив был Новосибирский университет, но и от него пришлось отказаться.

Вот и подходил к концу мой десятый класс. Серьезные опасения вызывал у меня чертов русский язык. За сочине-

ния, за их грамматическую часть я получал в основном двойки и тройки, иногда даже единицы. Моей проблемой были знаки препинания. Существовала реальная угроза остаться на второй год. Какой позор! Но на экзамене по русскому языку я получил тройку и сразу же успокоился. Тяжеловато мне дался этот маткласс. В начале девятого класса я снова болел в последний раз остеомиелитом. Классный руководитель даже предлагала перейти в простой класс, ведь я отстал на целый месяц. Но я все преодолел, занимаясь в больнице самостоятельно по пособию МФТИ. Тяжело было морально: я страдал, что наши математические девицы были так некрасивы, не на кого было положить глаз. Но все позади.

Я получил свой аттестат последним, не знаю почему. Очевидно, среди учителей были мои недруги. Замечу, что в старших классах я так и не вступил в комсомол. Эту организацию я считал лживой и глупой. Уже тогда я был закоренелым антикоммунистом.

Вот и выпускной вечер. Мы погуляли по вечернему Новокузнецку. Одни отправились на квартиру продолжать вечеринку, я же ушел домой. Школа была позади. Впереди была студенческая жизнь. Прощай, детство, прощай, унылый маткласс. Расставание с последним окрыляло меня, хотя и навевало грусть – ведь это была целая эпоха моей пока в общем-то нормальной жизни.

Начало самостоятельной жизни

Я окончил школу в 1987 году. Закончил я физико-математический класс, это был девятый – десятый классы моей средней школы № 11 в городе Новокузнецке Кемеровской области. Кроме этого, я окончил заочную физико-математическую школу при Новосибирском государственном университете, по математике я получил «отлично», по физике – «хорошо». Вот и все мои школьные достижения.

Родом я из интеллигентной семьи, мои родители были инженерами. Поэтому мой отец всегда хотел, чтобы я был специалистом по ядерной физике. Мои желания в основном совпадали с желаниями моего отца. Разногласия были в том, где именно учиться. Я очень хотел поступить в Московский инженерно-физический институт, мой родитель в свою очередь настаивал на учебе в Томском политехническом институте на физико-техническом факультете.

В конце концов, так как я от него зависел финансово, мне пришлось покориться.

В середине июля, надев свой костюм и кожаный галстук-селедку, я отправился с дипломатом в Томск на вступительные экзамены. Разумеется, сдал их без проблем: на «отлично» физику с математикой, за сочинение получил «удовлетворительно».

Набрав в общей сложности тринадцать баллов при про-

ходном в двенадцать, я был зачислен на выбранную мной специальность – инженер по управлению реактором АЭС. Особенно я этому рад не был. Это был не мой уровень. Для меня была Москва.

Но делать было нечего. Приходилось начинать тянуть студенческую ляжку. Первый семестр я учился легко, да это и не удивительно, ведь в школьные годы я получил прекрасную физико-математическую подготовку. Но мои проблемы начались уже в те годы. Читатель, хоть это и смешно звучит, но я не получил зачета по физкультуре за систематические пропуски этой дисциплины.

Но к сессии я был допущен, и так как у меня все не как у людей (это выяснилось позже), то три экзамена из пяти я сдал в последний день. Сделал я это шутя, получив «отлично» и два «хорошо».

Так я даже стал повышенным стипендиатом, получив двадцатипятипроцентную прибавку к моей семидесятирублевой стипендии.

Но уже на втором семестре моя учеба в Томске мне опостылела. Я снова пламенно захотел в Москву, в инженерно-физический институт. Я перестал ходить в Томском политехе на занятия, готовился в библиотеке к вступительным экзаменам в МИФИ. Мне оставался один год до армии, так что поступить второй раз я успел бы.

В себе я был уверен на все сто.

Уговорив, отца который так просил меня сдать весеннюю

сессию, и получив от него денег на билет, я рванул в Москву.

Удачно приехав в МИФИ, я пошел сдавать документы в приемную комиссию. Но меня ждал неприятный сюрприз. Дело в том, что в Томске в отделе кадров, вероятно, подумали, что я иду в армию, и поэтому дали мне характеристику с треугольной печатью факультета. А в приемной комиссии в Москве с меня потребовали этот документ с круглой гербовой печатью. Но ни времени, ни денег ехать в Томск уже не было. Итак, мои документы в Москве не приняли и до вступительных экзаменов не допустили. Это был тяжелый удар для меня.

Но жизнь продолжалась. Осенью мне должно было исполниться восемнадцать лет. Пора было идти в армию. С этой целью я даже купил себе в Москве кепку зеленого сукна. «Поступлю в МИФИ после армии», – утешал себя я.

Приехал не солоно хлебавши домой. Рассказал все родителям.

Отец разозлился, что я не позвонил ему и не попросил помощи, а мать предложила во второй раз поступить в Томский политех. Я подумал и решил, что это звучит разумно. Она поехала со мной, чтобы поговорить с деканом и объяснить ситуацию.

Все прошло нормально, и меня допустили до экзаменов в Томске, благо они на месяц позже, чем в московских вузах. Решив все за полчаса, я уже выходил из аудитории, когда увидел, как одна девушка подняла голову от тетрадей и изум-

ленно произнесла: «Все уже, что ли?» Это был мой скромный триумф после московского поражения.

Так уже во второй раз я стал студентом Томского политехнического института.

Во второй раз оказавшись на первом курсе, я перезачел себе все мои оценки за первый семестр, благо они у меня были неплохие. Посещал я только физкультуру.

Примерно в это же время я заинтересовался штангой, точнее сказать – культуризмом. Мои физические данные оставляли желать лучшего. При росте в сто семьдесят семь сантиметров я весил всего шестьдесят семь килограмм. Я был хил.

В городе Томске недалеко от моего общежития в десяти минутах ходьбы располагался спортивный комплекс «Томь» с бассейном, сауной и спортивными залами. Мог ли я тогда предполагать, какую роковую роль он сыграет в моей судьбе! Я начал регулярно посещать тренажерный зал. Первый год я занимался три раза в неделю, в дальнейшем начал заниматься каждый день, кроме воскресенья.

Учеба шла своим чередом. Я начал халювить как мог, глядя на других. Долгое время я жил старым багажом – накопленными в школе знаниями. Неудивительно, что уже на втором курсе тройки стали преобладать в моей зачетной книжке. Иногда я пытался заниматься в библиотеке института, но все было впустую, так как я мало спал ночью – обычные разговоры с приятелями затягивались до трех часов утра, и в библиотеке, как и на лекциях, меня неумолимо клонило в

сон. Если меня спросят, что мне больше всего хотелось в то время, то я отвечу – спать.

Мне стыдно тебе в этом признаться, читатель, но я долгое время не знал девушки. Я имею в виду постель. Когда другие рассказывали, как они со школьных лет трахались, я стыдливо молчал и при этом делал вид, что все это мне не ново, или отшучивался.

Но в новый 1990 год, мне было тогда уже девятнадцать лет, я твердо решил стать мужчиной во что бы то ни стало. «Кого-нибудь снять и трахнуть», – решил я.

Случай был удобный. В районе наших общаг стояло буйное веселье. Все были пьяны и раскованы. Мы отправились в гости к однокласснице моего соседа по комнате. Она была старше меня на один год, звалась Наташей и была студенткой фармацевтического факультета медицинского института. Наши общаги находились по соседству. Со мной она была приветлива, и я понял, что нравлюсь ей. На мое предложение сходить ко мне в гости она ответила согласием. «Наконец-то, – подумал я, – это свершится». Ебля! Мы оба были пьяны, но на ногах держались. По пути ко мне она подвернула ногу и захромала, потом ее вдобавок еще и вырвало, чушку. Но это меня уже не остановило. «Сейчас я познаю наконец-то самку!» – ликовал я.

Мы пришли ко мне, в комнате никого не было, ведь был Новый год. Все где-то гуляли.

Я впился ей в рот поцелуем и начал быстро снимать с нее

одежду. Мы оказались голыми. Эрекции не было, и я сказал ей расслабленно: «Давай поднимай».

Она оказалась толковой девушкой и бодро начала сосать. Я был в восторге, я смеялся, как ребенок, так мне было приятно. Потом, когда член встал, она села на него и начала ерзать, как в американских фильмах. Читатель, мне никогда не забыть тот первый минет в моей жизни. Потом мне другие женщины делали его тоже, но все это уже было не таким, как в этот первый раз. Я ее никогда не забуду, мою первую девушку с простой русской внешностью – Наташу Пшеницыну, друзья звали ее Пшеницей. Мы попробовали в ту ночь с ней все, на что хватило моей фантазии, кроме анального секса, разумеется. Я был полностью удовлетворен – цель была достигнута.

Мы уже успокоились, когда в комнату начали стучать – пришли другие жильцы. Мы оделись и открыли дверь. Выключив красный свет и включив обычный электрический, я увидел ее лицо и понял, что и она была расслаблена и довольна. Так в Новый год 1990-го в свои девятнадцать лет я наконец-то стал мужчиной. «Поздновато, конечно, но ничего не поделаешь», – успокаивал я себя. Все прошло гладко. Дружить впоследствии с Пшеницей я не стал, я был к ней абсолютно равнодушен.

Как говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Сексуальным маньяком я, конечно, не стал но год в целом оказался неплохим. Возможно, потому, что это был

год Белой Лошади по китайскому гороскопу. Я же родился в год Белой Собаки. Это была моя стихия воды.

В этот 1990 год я наконец-то добился сдвигов в своих занятиях культуризмом. Начав заниматься каждый день – шесть раз в неделю – я впервые стал есть белок из детских питательных смесей. Вес пошел в гору!

Становую тягу я стал поднимать двести килограмм, а приседать со ста пятьюдесятью килограммами, и только лежа я жал плохо – всего шестьдесят килограмм. Мое тело стало принимать атлетические формы к моей радости. Ведь раньше я был абсолютной дохлятиной. К сожалению, от моих занятий в организме наступил авитаминоз, а может, от холодных сибирских зим, а скорее всего, от того и другого вместе. У меня раскрошилось четыре зуба. Зубы вообще мое большое место. Не последнюю роль сыграл в этом просто панический ужас перед русскими стоматологами.

Но я нашел выход из положения, начав принимать поливитамины. Результат был блестящим. Отличный тонус и рост веса создавали отличное настроение. Энергия была через край. За один год в общей сложности я набрал десять килограмм и стал весить семьдесят семь килограмм. Я был очень доволен.

К тому же вопрос о зачете по ненавистой физкультуре с ее игрой в футбол на морозе я решил, просто принося справки из атлетического зала о том, что я там занимаюсь на кафедре физвоспитания нашего института. Они их признавали

и ставили мне зачет. Моему примеру последовала пара моих товарищей-студентов, с которыми мы ходили на культуризм в спорткомплекс «Томь».

В это же время я начал увлекаться большим теннисом. Купив себе две ракетки для себя и для партнера и не найдя последнего, я часами играл об стену радиомеханического завода, находящегося за нашим общежитием. Я подражал Борису Беккеру, который был моим кумиром тех лет. Иногда я играл со своим приятелем Жекой Семенцом, но игра у нас не получалась.

Жека Семенец очень странно стал моим другом. Остановлюсь на этом подробнее. Впервые я увидел его, еще будучи абитуриентом. Он поступал на специальность «экспериментальная ядерная физика». Но делал это не от великого ума, а потому, что конкурс туда был ниже и, следовательно, поступить проще. С первого взгляда симпатии он у меня не вызвал благодаря своей подъебистой манере общения. Но дело не в этом. На первом курсе с первого захода, а читатель помнит, что их у меня было два, нас поселили с другом Семенца по имени Паша. Этого Пашу я тоже невзлюбил, и в нашей комнате оказалось два лагеря: мой и Пашин с его одноклассником. Семенец – я его буду называть так впоследствии ввиду оригинальности фамилии – часто навещал Пашу и раздражал меня своими подъебками. Я терпел, я уходил.

Однажды поднявшись в его комнату, я спросил, где Вовчик – мой приятель и его сосед. Семенец ответил мне: «В

туалете». Это было последней каплей в чаше моего терпения. Пора было поставить ублюдка на место.

И я придумал, как это сделать. Я послал одного парня сказать Семенцу, что его зовет Паша. Расчет был верен – Жека клюнул и пришел к нам. Войдя в комнату и видя, что там никого нет, он уже повернулся, чтобы уйти назад. Но тут я вышел из-за угла и втолкнул его в комнату. Мы начали драться. Вскоре перевес оказался на его стороне, и он, прижав меня к спинке кровати, глупо пытался руками порвать мне рот. Но моя кожа, разумеется, оказалась не по силам подонку. Надо признать, что он был очень проворный и жилистый тип. Нас разняли. Но меня мутила ненависть и злоба из-за моего поражения, и, улучив момент и хорошо прицелившись, я метко пнул ему в пах. Семенец загнулся и сел на кровать. Я был удовлетворен. Так все окончилось в этот раз.

Много времени спустя после моей неудачной попытки в Москве мы как-то сидели вместе с ним на лавочке перед общагой и разговорились. С чего это началось, я не помню, да это и не важно. Неожиданно для себя я открыл в нем интересного собеседника, который умеет не только поддѣбывать, но и нормально разговаривать. Впоследствии мы с ним стали чаще общаться, и так завязалась наша дружба, которая прошла через все мое томское студенчество. Если меня спросят о его отличительной черте, я отвечу: карты. Его не интересовали девушки, пьянки, дискотеки. За покером он был готов сидеть сутки напролет. Даже в литературе его интересо-

вала только тема азартных игр. Что поделать – каждому свое. Впоследствии господин Евгений Семенец будет нередко фигурировать в моем повествовании, поэтому я не случайно остановился на нем.

Итак, смирившись с судьбой и снова оказавшись в Томском политехе, я расслабился и начал жить, как все. Учеба отошла на задний план. Для меня, окончившего очную и заочную физматшколы, это не было проблемой. Я жил старым багажом и уже не решал каждый вечер по тридцать задач по физике, как это было в десятом классе.

В этот период я начал в меру пить – любил пиво. В те годы с пивом была напряженка, и поэтому мы радовались, когда приезжали с почтухи (Томск-7 – закрытый город, или «почтовый ящик») наши одноклассники с канистрой «Жигулевского». Ходил на дискотеки с целью заловить самку – «запарить конец». Но мои походы по дискотекам особого успеха не имели. Хотя кое-что перепало и мне.

Однажды на дискотеке я понравился одной девочке. Я сидел весь вечер с друзьями, а она все это время танцевала передо мной. Это мне безумно льстило. Она явно хотела сняться. Я сказал ей номер своей комнаты – пятьсот четырнадцать – и пригласил ко мне в гости. После танцев мы все разошлись – это было в субботу вечером. Я сидел на лестничной клетке общежития и курил. Вдруг увидел, как с моего этажа спускается моя новая знакомая. «Она уже успела побывать у меня. Шустро!» – подумал я. Я остановил ее и обнял, при этом

я сидел на низком подоконнике окна. Мое лицо находилось на уровне ее груди. Она постанывала. Недолго думая, я стал кусать сосок ее груди через кофту. В рот залез ворс ее джемпера. Дело было зимой. Она стала стонать сильнее. Я пришел в восторг от ее чувственности. «В комнату не поведешь», – думал я. К нам поселили заочников – взрослых мужиков – студентов, учившихся на заочном отделении.

Что делать? Надо ковать железо, пока горячо. Тут я придумал. Мы побежали в ее общежитие, благо оно было в десяти метрах от моего, и поднялись на самый верх лестничной клетки на девятый этаж – туда, где пожарный выход и никто не ходит. Я начал снова бодро ее тискать, целуя при этом. Расстегнув штаны, вытащил набухший член. Но по-настоящему он не стоял. То ли много выпил, то ли усталость, подумалось мне.

Моя подруга оказалась толковой и резво начала сосать. Результат не заставил себя ждать – балда встала. Она – студентка химико-технологического факультета – сняла трусы и встала раком, взявшись за перила лестничной клетки.

Вставив мою балду себе во влагалище, она резко начала насаживаться на нее. Но, мой читатель, ее пизда оказалась просторной, как у слона, и это при ее-то маленьком росте. Мой член размяк эрекция снизилась, и он выпал на волю. Моя подруга повторила отсос снова, и снова результат был тот же.

Разочаровавшись во мне, она стала одеваться. Оделся и я.

«Извини, много выпил», – успокоил я ее миролюбиво. Она промолчала. Мы разошлись, и больше я ее никогда не видел. Увы, она не дала мне возможности реабилитироваться.

Вот так бурно я встретил хороший 1990 год. Дальше все было обыденно – учеба шла своим чередом. Я оканчивал второй курс. Мне было двадцать лет. Сообщу читателю, что в 1988 году всем студентам дали отсрочку от призыва на воинскую службу. А тех моих ровесников, которых уже призывали весной, просто вернули из рядов Советской Армии. Кроме того, в нашем институте была военная кафедра. После четвертого курса должны были состояться воинские сборы – только одно лето, после которых нам должны были присвоить звания лейтенантов запаса. Так проблема ненавистной армии была решена. Хоть и говорят, что это школа жизни, я предпочел обойтись без нее. Возможно, зря, но не пойду же я туда добровольцем, рассуждал я тогда.

Подруги я себе в то время так и не завел. Хотя красивые девушки встречались и мне. Но или у них уже были парни, как правило, гусарского роста, или я был просто робок. Выглядел я в молодости весьма неплохо. Как я завидовал другим, когда по коридору к ним цокали девичьи каблучки. «Ко всем, только не ко мне», – грустил я.

Кроме всего вышеописанного, этот 90-й год больше не был богат событиями.

Приближалась зима, а с ней и новый 1991 год. В этот период я задумал большое дело. А именно: я решил сбежать в

ФРГ, поехав туда по гостевой визе. В моем паспорте стояла немецкая национальность. Ее я выбрал специально, чтобы, будучи старше, уехать в Западную Германию. И вот, считал я, момент настал.

С этого решения, собственно, и начались все мои последующие мытарства. Прежде всего, проблема была в том, что я учился на закрытом факультете. Мой физтех был секретным. На третьем курсе начинались занятия в закрытой части, и всем предстояло давать подписку о невыезде.

Это было серьезным препятствием в моей аванюре. Я пошел в первый отдел института и честно сказал женщине-чекисту, что в будущем хотел бы иммигрировать на Запад и что никаких подписок давать не хочу. Она просто посоветовала мне перевестись на другой факультет на открытую специальность. К выбору были представлены два факультета:

теплоэнергетический и химико-технологический. Меня тянуло на последний – ведь там был один женский пол. Я устал за свою жизнь только от мужского окружения на физтехе. Я был молод – мне хотелось флиртовать. Но чтобы попасть к химикам, пришлось бы досдавать море предметов по ней. К тому же химию я никогда не любил. Успокоившись, я пошел на теплоэнергетический факультет на специальность «теплофизика». Кстати, мой отец тоже когда-то окончил его по специальности «атомные электростанции». Но работать на АЭС его не взяли – он считает, что из-за национальности. Я же считаю, что это произошло потому, что он был далеко

не самым успевающим студентом.

Итак, под конец 90-го года я стал студентом ТЭФ. Разумеется, на занятия я не ходил: я просто тянул время до отъезда.

К тому же эти теплоэнергетики были гораздо глупее и скучнее наших физикотехников. Жить я продолжал в общеститии ФТФ.

На ТЭФ я перевелся с понижением на один курс, то есть, окончив второй курс на ФТФ, я попал снова на второй на ТЭФ из-за разницы в учебных программах. Из-за этого Семенец начал надо мной смеяться, говоря что я оседаю, «как талый снег весной». Но свои стратегические цели я не считал нужным ему объяснять. Я был выше этого и поэтому просто замкнулся. Началось тяжелое время. Мы перестали разговаривать друг с другом, хотя и жили в одной комнате. Нашим связующим звеном стал Олег Наяндин – мой приятель еще с первого курса. Так мы и жили втроем. В такой обстановке я окончательно забил на учебу и просто спал каждый день до двенадцати часов. Мой день начинался в обед. Мне нравилась такая свобода от всех нудных обязанностей этой жизни.

Сколько раз мы с Жекой Семенцом пили вместе самогон – отличный напиток в шестьдесят градусов, который я привозил литрами от моей верной двоюродной сестры, живущей в деревне под Томском. Мы пили его, и нам было безумно весело. И вот теперь мы были врагами. Между нами царило могильное молчание. Помня, что наше знакомство началось с пиздюлей, я больше не испытывал судьбу и был корректен.

Не наглел и Семенец. В то время я его надолго возненавидел.

Я уезжал на выходные к сестре в деревню – попариться в баньке и вообще отдохнуть среди простых родных людей – в кругу семьи, так сказать.

Вот на носу и новый 91-й год. Как его встречал, точно не помню. Но запомнилась драка на новогодней дискотеке на машиностроительном факультете.

К Олегу Наяндину пришла пара девчат ровесниц с химико-технологического факультета. Мы посидели, выпили в меру вина и отправились на танцы. Общага машиностроителей была напротив нашей. Там мы мирно танцевали до тех пор, пока в наш кружок нагло не ворвался здоровый высокий тип и не начал паясничать. Один бы я просто ушел, но мы были с дамами – ударить лицом в грязь было никак нельзя. Я подошел к нему и на ухо проорал (кругом гремела музыка) что-то вроде: «Почему ты нам мешаешь?» Тот нагло ответил, что ему так хочется. После его слов я молча въебал ему дважды кулаком в морду. Бык рассвирепел, вокруг нас мигом образовалось пустое пространство. Мой противник отбежал от меня в противоположную сторону. И в этот миг я начал все видеть, как в замедленном кино. Он медленно побежал на меня. Я знал – он хотел пнуть меня ногой с разбегу. Я уже видел, как он начал поднимать колено для удара. И тут я, как автомат, резко поднял свою правую ногу и ударил его ребром ступни в колено. Это было эффектно – бык отлетел обратно. И тут на меня сзади напали другие. Они потянули меня за

мой плащ, толпой прижали к стене и начали бить. Но я не был новичком: сгруппировавшись, я закрыл голову и лицо руками. Ни один удар не достиг цели. Я вырвался от них.

Тут из толпы вылетел тот бык-зачинщик и, схватив меня за воротник, резко загнул меня к поясу. Силен был черт! Но я гибко поддался, вспомнив принцип дзюдо: «Поддаться, чтобы победить».

В проеме света я увидел пах быка и с азартом въебал ему сильно два раза кулаком по яйцам. Бык резко отпустил меня и убежал. «Победа!»— возликовал я. Так я встретил 91-й! Весело было!

После этого ко мне подошли двое – какие-то парень с девушкой, у обоих были озлобленные лица. Парень спросил, в чем дело. Я заорал на него: «Че за хуйня, че за наезды? Мы пришли мирно потанцевать!» Оба молчали. В конце концов мне это надоело, и я просто ушел.

Как помнит читатель, на эту дискотеку я пошел с другом и его знакомыми девицами. Я его спрашивал потом, где он был, когда меня месили черти с машиностроительного. Тот отвечал, что он яростно работал ногами в толпе. Это чмо просто спряталось за спинами других. Так я разочаровался в старинном друге. Но его девицы оценили мое поведение по достоинству. При дальнейших встречах их глаза просто горели восхищением. Хоть это было лестно. «Понравились бы они мне, еще было бы, где конец запарить», – думал я.

Вообще 1991 год – год мистической Козы по китайскому

гороскопу – ознаменовал в моей жизни новое направление моего духовного развития. Я начал увлекаться астрологией, изучая при этом главным образом самого себя – свое Я. Ведь, познавая себя, ты познаешь других. Денег у меня, студента, конечно, не было, чтобы покупать книги. Поэтому я часами простаивал в книжных магазинах и около торговцев-букинистов, читая самое интересное до тех пор, пока мне не предлагали либо купить книгу, либо убираться. Мой мозг впитывал информацию, словно губка воду. Так я изучил все двенадцать типов зодиакальных характеров, кроме того – все двенадцать животных китайской астрологии. Я уловил связь западной и китайской астрологии. Обе очень важны для понимания своего характера. Дело в том, что западный знак зодиака показывает, в каком знаке стоит Солнце данного индивидуума. Китайский же знак показывает, где стоит Юпитер – самая большая планета нашей Солнечной системы. Купив книгу индийского астролога Радьяра «Астрология личности», – денег не пожалел, она того стоит – я понял всю важность знака, в котором стоит Юпитер – планета цели.

Если западный гороскоп показывает тот знак, кем ты родился, то тот знак, в котором стоит Юпитер, показывает цель твоего воплощения в данной жизни.

На своем примере поясню. Родился я 1 октября 1970 года в год Железной Собаки. Мое Солнце стоит в Весах, мой Юпитер в восьмом градусе Скорпиона. Значит, родившись Весами, я должен стать Скорпионом, конечно, попросту го-

воря.

Читатель может резонно спросить, откуда мне известна точность вплоть до градуса. Ответ прост: дело в том, что, зная место (важны его географические координаты) и время своего рождения, я обратился к профессиональному астрологу в Томске. Мне была составлена натальная карта рождения на основе компьютерной программы. К сожалению, женщина-астролог не была очень опытной и не смогла просто мне ее объяснить. А может, не захотела? Впрочем, возможно, я чересчур подозрителен. Она посоветовала мне ту же книгу Радьяра, сказав, что по ней я разберусь сам. Добавила, что у меня очень сильный Меркурий – планета живого ума.

Ну что ж, я занялся сам изучением своей карты рождения. Это грамотное название личного гороскопа. Мой асцендент – точка характера – стоит в Близнецах. Мой сильный Меркурий стоит в Деве. Близнецы и Дева управляются Меркурием. Следовательно, мое планетное лицо – Меркурий, так как он стоит в своем знаке. Например, Ленин был Тельцом с марсианским планетным лицом. Его Марс стоял в Овне – своем знаке. Мой сильный Меркурий стоит в соединении с Марсом. Марс в Деве обозначает скрытую силу, возможно, благодаря ей я живу и по сей день. Сколько раз меня уже посещали мысли о самоубийстве, но не буду забегать вперед. Одна деталь меня очень взволновала – я заподозрил недоброе. Возможно, из-за нее астролог отказалась от комментариев. Это сильный Сатурн в двенадцатом доме – доме пси-

хических болезней. Почему сильный – потому что он находится один в полушарии и противостоит девяти остальным планетам другого полушария. Страшный знак, позднее читатель поймет это. Я неслучайно акцентировал внимание на этой детали. Кроме того, мой сильный Сатурн в Тельце противостоит моей Венере в Скорпионе. Между ними точно сто восемьдесят градусов. Такое противостояние означает осознание, как я почерпнул из Радьяра. А может, именно поэтому мне не везло с женским полом. С красивыми я был робок, ну а другие просто не вызывали интереса. Я всегда искал такую красивую девушку, чтобы она готова была пойти за мной верно и преданно на край света – как жены декабристов. Но увы, видать, хотел я много, а может, просто страдал нарциссизмом – безграничной любовью к себе.

Кроме того, мое Солнце стоит в соединении с Ураном – планетой революционеров, конечно, таковым я себя не ощущаю, и что означает это соединение, пояснить, к сожалению не могу. Моя середина неба – десятый дом успеха – стоит в Водолее. Позднее жизнь показала значимость этой точки. Это случилось в год Быка 1997-го – моя катастрофа. Но до этого мы еще дойдем.

Очень важно, сказала астролог, что в моем гороскопе вообще не активирована стихия огня, то есть ни в одном огненном знаке нет ни одной планеты. Все остальные стихии – земля, воздух, вода – представлены хорошо. Мне нужен партнер с сильным огнем, заключила она. Позднее я встре-

тил ее: это был не просто огонь – это был атомный смерч. Но всему свое время, мой читатель.

К обзору моего гороскопа добавлю еще одну интересную деталь. Дело в том, что в моей семье за один год до моего рождения умер мой старший брат. Умер от рака печени. В одной брошюре я прочитал, что когда рождается настоящий Скорпион, то в семье за год до или через год после его рождения кто-то умирает. Это знак планеты Плутон – хозяина Скорпиона, он символизирует птицу Феникс – смерть и возрождение к новой жизни. Но мой знак Весы, почему я отмечен Плутоном, недоумевал я.

Хотя понятно, что под знаком Скорпиона рождены миллионы людей, и отнюдь не все они отмечены этой планетой магии и силы.

Но не только мистикой забивал я свою голову в это время. Конечно, мне было не до учебы, к чему мне занятия на теплоэнергетическом факультете – сокращенно ТЭФ, с его тупицами, рассуждал я. Студентом я просто числился, чтобы не загреметь в ряды доблестных вооруженных сил.

Я посещал по субботам дискотеки. Одна из них – наша факультетская – находилась прямо в подвале нашего общежития. Называлась она «Гамма», и вел ее мой чмошный друг Олег. Это было вполне цивильное помещение, отделанное силами наших студентов, состоявшее из бара-дансинга и уютных столиков в полумраке. Как-то я сидел за столиком и наблюдал за гулявшим народом в гордом одиночестве. Ко

мне подседа девушка по имени Жанна. Я знал ее – она часто приходила в гости к моим знакомым студентам со своей подругой. Она работала парикмахершей и жила в рабочем общежитии. Выглядела весьма эффектно: правильное лицо с голубыми глазами и обесцвеченными волосами – она напоминала мне надзирательницу концлагеря. Подсев, Жанна предложила потанцевать. «Все ясно, – подумал я, – предоставляется возможность запарить конец».

Я ей серьезно нравился, и она была девушкой конкретной – не строила из себя недотрогу. Автор этих строк всегда любил ковать железо, пока горячо, особенно в женском вопросе. Танцевать я отказался – зачем ломать романтическую комедию, когда и так все ясно. Просто предложил подняться ко мне и выпить вина, и я услышал ее согласие. Сказано – сделано. В комнате никого не было, все где-то веселились, ведь был субботний вечер: день физика – святое для студента.

Я стащил свой матрас с кровати на пол, так как проклятая сетка сильно бы прогнулась под двумя людьми. Жанна ничему не удивлялась. Посадив ее в кресло, украденное мной из дома быта, я дал ей бокал с вином.

Надо отметить, что кресел у нас в комнате было два, оба из дома быта – предметы нашей гордости и наш люкс. Мы прикончили бутылку портвейна, и началась страсть. Раздевшись, мы начали ласкать и целовать друг друга. Особенно мне запомнилось, как она стала целовать мой живот. «Какая дешевка! – подумал я. – Девочка насмотрелась американ-

ской романтической дряни». К моему расстройству, мощной эрекции опять не наблюдалось – сказывалась нерегулярная половая жизнь. Но это для меня не было новостью. Я попросил ее мастурбировать и начал сам. Ее онанизм мне пришелся по вкусу, вскоре мой член затвердел, и я с азартом вставил ей промеж ног. Ее влагалище было тугим и сильно жгло мою балду. Мы энергично подвигались – она была профи, вскоре у моей подруги наступил оргазм, пизда стала влажной снаружи. Я не кончил. Дрочить на нее до конца я не стал – сэкономил семя. Уставшие, мы лежали на постели на полу и разговаривали просто ни о чем.

Вскоре она уснула. Я же заснуть не мог и поэтому встал, оделся и сел в кресло. Благо было три часа ночи, до утра оставалось совсем недолго. Она стала моей подругой на долгие годы. Впоследствии я часто ночевал у нее, она меня всегда бесплатно и без очереди подстригала. Я знал, что нравлюсь ей. Жанна тоже не вызывала во мне отвращения.

Новыми эротическими победами этот 91-й год, к сожалению, не ознаменовался. Но я не унывал и довольствовался малым.

В этот же промежуток времени я заинтересовался книгой, оставившей во мне глубокий след. Все началось с того, что мне случайно попала на глаза «Литературная газета» с отрывком из нее. Труд назывался «Роза Мира», автор Даниил Андреев – человек очень тяжелой судьбы и глубоко религиозного характера. Статья в газете была отрывком из этого

сочинения – это была глава «Князь Тьмы». Я прочитал ее. Антихрист Андреева рушил все устоявшиеся в массовом сознании стереотипы. Я загорелся прочесть книгу, собственно, только из-за этого. Обо всем я пересказывать, конечно, не буду – этот труд требует глубокой фантазии для его понимания. Остановлюсь вкратце лишь на том, что вызвало мое восхищение. Это сам образ Князя Тьмы.

Это был гениальный Сверхчеловек, его энергетический потенциал безграничен. Так, например, при оргазме он мог убивать женщину электрическим ударом. Кроме того, его физическое тело было бессмертным – этого он добьется сам с помощью своего интеллекта. Он будет лишен страха физической смерти, что свойственно простым смертным. Живой бог на Земле, которому дозволено буквально все! Но остальное вам доскажет сам Андреев. Более того, сами условия, в которых писалась «Роза Мира», впечатляют. Кому интересно, тот может сам прочитать этот литературный шедевр. Я же отмечу, что у меня появилась цель. Моя цель – энергия. Я захотел стать живым богом – Сверхчеловеком по прочитанному образцу. Не удивляйся, мой читатель, в душе я всегда был немного безумен. И вот мое безумие получило сверхчеловеческую задачу – стать богом, которому дозволено все в этом мире. Эта иллюзия надолго поселилась во мне. Меня можно понять – мне был двадцать один год, я был молод, и море было по колено. Но сейчас, в мои зрелые годы, я понимаю, что этот иллюзион о Сверхчеловеке был просто про-

дуктом моего молодого сознания.

Но шло время, я мирно просыпал свои занятия, ожидая поездки в ФРГ. Надо сказать, что мои тети уже выехали туда, и вот от одной из них я ждал гостевой вызов. Из документов я хотел захватить прежде всего зачетную книжку. Моей реальной мечтой было продолжить образование в ФРГ. Как все мы, я тоже был жертвой мифа о превосходстве западного уровня образования над нашим. Этой же болезнью страдал и мой приятель Олег Наяндин. Его мечтой было сдать TOEFL и работать в США.

Пора отметить существенный момент, сыгравший немаловажную роль в моей жизни. К Олегу часто заходил очень живой и темпераментный молодой человек по имени Максим Гурин. Его фантазерство и эрудиция не знали границ. Подружился с ним и я.

Опишу его поподробней, он того стоит. Приехал Макс из Казахстана, город не помню, врать не буду. В своем городе он был чемпионом по карате. Учился легко и с азартом по специальности «экспериментальная ядерная физика». Это был парень с чистой душой ребенка, открыт и доверчив, как младенец. Нам с Олегом он очень нравился.

Впоследствии темпераментный Гурин уйдет в бизнес. Что поделаешь, его тянуло все новое. Именно он, интересовавшийся всем – от экстрасенсорики до магии, рассказал мне об американском писателе Кастанеде. Он очень хотел прочитать его книги. Я не придавал этому особого значения, ведь

вообще слово «магия» звучит в наше время просто глупо. Но его слова, а главное, фамилию писателя, похожую на испанское слово «кастаньеты», я запомнил.

С Семенцом продолжалась молчанка, общались только с Олегом. Я стал чаще уходить к другим студентам и просиживать вечера у них. По выходным я уезжал к двоюродной сестре, мылся у нее в бане, пил самогон. Одним словом, как мог тянул время.

В 1991-м году по весне отец, опасаясь новой денежной реформы, дал мне половину своих сбережений – это в то время три тысячи рублей. Я взял их чеком и отложил на побег в ФРГ. Время шло, вызова от тети все не было. Чтобы как-то убить время и заработать немного денег, я устроился в Томске ночным сторожем в ресторан «Сибирь». В мои обязанности входило мыть полы после закрытия и ночевать там до шести утра как сторожу. Работал я двое суток, сутки отдыхал, и так далее. Мыл полы, отмывал их от блевотины, оставленной посетителями, потом шел в свою каморку спать. Запомнилась мне тогда одна симпатичная официантка – она иногда долго смотрела на меня. В моей жизни снова запахло еблей. Я был не против и ждал момента. Но судьба не дала мне запарить балду вновь. Я получил через неделю моей работы телеграмму от отца с просьбой позвонить, что я и сделал. Батя сообщил, что от тети пришел вызов.

Наконец-то свершилось, вздохнул я свободно. Надо было увольняться из ресторана да паковать багаж. Но в кабаке рез-

ко заупрямились меня увольнять, потребовав найти замену. Что было делать? Я нашел на факультете знакомого студента – Ваню Грушина и предложил ему свое место сторожа в «Сибири». Он согласился. Так все быстро и благополучно управилось.

Впоследствии он сообщит мне, что проебал ту официантку, на которую я положил глаз, по-моему, ее звали Света. Злоба охватила меня за это на Ваню, ведь он был прыщав до омерзения. Пойди разберись в этих дурочках.

Наступило время сборов. Батя дал мне адрес одной знакомой старушки в Москве, у которой я должен был ночевать, пока не получу немецкую визу и не куплю билет.

Итак, в сентябре 91-го я самолетом полетел в Москву из Томска. Меня никто не провожал, как это и подобает настоящему авантюристу. Через четыре часа полета под крылом самолета засверкали огни ночной Москвы. Что ждет меня? Накатила грусть.

Без проблем я нашел в Москве нужный адрес. Это был девятиэтажный блочный дом в спальном районе города. Название улицы, к сожалению, не помню. Моя старуха брала десять рублей за проживание, но она ждала какого-то постояльца с Кавказа, поэтому тут же отправила меня к другой бабке – своей знакомой, сказав, чтобы я ей заплатил всего пять рублей. Так я и жил несколько дней у новой хозяйки в ее нулевке за шифоньером. Курить выходил на балкон. Дом был высотным, этаж верхний, и поэтому панорама с балкона

была чудесной. Я всегда любил высоту. Через пару дней я получил без проблем гостевую визу в посольстве ФРГ. Дело стало за билетом. У меня был чек к оплате на три тысячи рублей. Решив направиться в землю обетованную воздухом, я купил билет на самолет в один конец за пятьсот рублей.

Недорого, по-моему. В один конец я летел, чтобы там и остаться.

Было туманное утро. В аэропорту Шереметьево-2 я сел в самолет Ил-86 компании «Аэрофлот». Моей спутницей оказалась дама средних лет. Она везла на Запад каких-то редких щенков. В полете мы с ней выпили вина, мило побеседовали. И вот наш самолет приземлился во Франкфурте-на-Майне в международном аэропорту. Меня должны были встречать родственники, ведь я дал заблаговременно телеграмму. Но, выйдя из самолета, я никого не увидел. Побродив по фешенебельным залам аэропорта, так потрясшего мое воображение, я отправился на почту звонить. Пользовался я английским языком на примитивном уровне, владею которым и сейчас. Позвонив тете, я узнал, что моя двоюродная сестра Наташа с мужем выехали встречать меня. Но я никого не видел на выходе из самолета. Я начал волноваться, в моем кармане было всего сто пятьдесят марок, и потратить их все на железнодорожный билет не хотелось. Было очевидно, что мы разошлись. Как добраться самому без денег и без языка, встал передо мной мучительный вопрос.

Я сидел на стоянке такси и мучительно размышлял, что

делать дальше. Вдруг передо мной прошел мужчина, где-то я его видел, вспомнил – дома на свадебном фото сестры. Я спросил его: «Вы не Ассар?» Так звали мужа моей кухни. Он ответил, что да, это он. Радости моей не было предела – мы встретились. Ассар сказал, что он в последний раз обходил аэропорт, затем они уже собирались уехать. Повезло мне, что все обошлось.

Мы поприветствовали друг друга с Наташей, уселись в их «ауди». Наташу я знал еще с Новокузнецка, она приезжала к нам в гости. Включили радио – играла Си-Си Кетч – мы тронулись. Они были тоже в восхищении от аэропорта. Оба были в нем первый раз. Особенно понравились им хрупкие японские стюардессы.

Выехали, наконец, на автобан, и Ассар дал газ. Я ликовал – наконец-то я в свободном мире! Но, к моему огорчению, Наташа тут же начала меня обрабатывать, что я должен буду вернуться назад и что остаться мне нет никакой возможности. Так она нарушила мою эйфорию. Мы ехали, останавливаясь на заправках. На одной из них Ассар купил мне пару бананов. Моему телячьему восторгу не было предела. Надеюсь, ты поймешь меня, мой читатель, ведь я приехал из Сибири голодных времен. Все, вплоть до сахара и масла, было в 91-м по талонам. Ел я только сало, которое брал в деревне у сестры. А тут свежие бананы! Надо сказать, что пару раз в детстве мама их тоже покупала но это была коричневая склизкая гниль, которую есть просто невозможно.

К вечеру мы добрались до Наташиного дома. Это было двухэтажное строение, весь второй этаж занимала семья кузины. Я принял ванну, поел, в ушах звенело от тишины, воздух пьянил свежестью. Вся эта чистота и уют были раем для меня – молодого человека из студенческого общежития. Туалеты в общежитии – отдельная тема. Это толчки с горами несмытого дерьма в них, с лужами мочи на полу и с вселенской вонью. Неужели трудно было нашим студентам смывать за собой дерьмо? И это будущая элита страны. Впрочем, врать не буду, в общежитии МИФИ все было чисто и аккуратно, но жить мне там, к сожалению, не довелось.

Но я отвлекся. Итак, переночевал у Наташи, на следующий день отправились в супермаркет «Алди». Хоть теперь я и знаю, что выбор в нем товаров самый скромный, но тогда у меня разбежались глаза. Хотелось всего, прежде всего фруктов. Я взял три персиковых компота и с нетерпением стал ждать вечера, чтобы их съесть. Наташа делала покупки для семьи. Но, к моему горю, персиковый праздник желудку мне устроить так и не пришлось. Вечером сестра увезла меня к своей матери – моей тете. Я был расстроен, хотелось жить у Наташи. Они с мужем были чуть старше меня, и с ними было интереснее. Зачем мне были старики? Но пришлось молча смириться, ведь я был в гостях.

Начались будни. У тети тоже было неплохо. Спал я в зале на диване. Смотрел днем MTV, ходил, гулял, шарился по родственникам, благо у меня их гора. Только у тети четверо

взрослых детей, у них тоже уже были семьи, и у всех по двойне подрастающего поколения. А у одного вообще трое. Скучать не приходилось. Моя родня часто собиралась попойнствовать, в то время оно было мне понятно. Они были просто в эйфории от земли обетованной. На тот момент, когда я был в гостях, прошел уже примерно год, как все они приехали в Германию.

Я тоже присутствовал на этих сборищах, но, поскольку меня мучил вопрос, как остаться, я был замкнут, и мне было не до веселья. Они, мои кузины, говорили мне, чтобы об учебе в ФРГ я забыл и шел, как все, работать. Говорили, чтобы ехал назад, делал трудовую книжку и водительские права, тогда еще русские права признавались. Сколько подобной дряни я вынужден был выслушать! Но моя цель учиться была непоколебима. В вопросе, как мне остаться, забрезжил луч надежды. Наташа позвонила в лагерь чиновнику, и тот ответил, что мне нужно представить справку о том, что меня забирают в армию. Только так, сообщил этот чиновник, можно было остаться на тот момент. Ведь решения о приеме у меня еще не было. Документы были в обработке. Безо всякой надежды я написал отцу письмо с просьбой сделать нужную справку. Отправил и стал ждать. Медленно тянулись дни в этом убогом местечке под названием Роструп. Я ходил посидеть у озера, оно было рядом.

Но однажды я совершил суровый косяк. В одном магазине мне понравился хороший, дорогой одеколон «Карера»

за тридцать марок. По простоте душевной я отпустил шутку своему спутнику, сыну двоюродной сестры, что, мол, вот бы этот одеколон украсть. С этого момента мои дни в Германии были сочтены. Парень донес на меня своим родителям.

От него я этого не ожидал, ведь ему было уже семнадцать лет!

Мои родственники, пока меня не было, собрали совет, на котором решили отправить меня домой. Как бы чего не вышло! Моя тетя сообщила мне решение совета: «Собирайся, Эдуард, домой, жди вызов на ПМЖ и приезжай вместе с родителями». Все просто и ясно. Авантюра не удалась.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я думаю, что, не отправь они меня тогда назад, дай мне возможность дожидаться этой злополучной справки, моя судьба потекла бы по иному руслу, и со мной бы не случилось всех тех катастроф, о которых я поведаю позже.

Начались сборы домой. Как я уже сообщал, у меня было сто пятьдесят марок, и я очень хотел купить на них видеоплеер. Но все были так заняты, что ни у кого не нашлось времени свозить меня в город Ольденбург, чтобы я мог купить его. Зато они набрали для меня чемодан конфет. Это ли не идиотство? Потом навалили мне баракла из Красного Креста – старалась тетя, ничего не скажешь! И никто не подумал, что я ведь не ломовая лошадь – тащить всю эту дрянь через полсвета. Но чего ожидать от крестов! На свои деньги я купил по паре кроссовок – себе и младшему брату и по

спортивному костюму, каждый по пятьдесят марок. Дешево и сердито! Так провалилась моя авантюра с побегом на Запад.

Наступил день отъезда. В общей сложности я пробыл в гостях один месяц. Уезжал я на поезде из Бад-Цвишенана и должен был в Ганновере сесть на поезд Москва – Париж. Провожали меня все взрослые в Бад-Цвишенане. Грузен я был как слон, хоть бы что дельное, а то одно дерьмо! Поезд тронулся, и я остался один со своими тюками в купе вагона. Проезжая Бремен, увидел огни корабля у пристани. Вспомнился «Кар-Мэн» с песней «Париж, Париж», и накатила грусть.

Подъезжали к Бресту. Должен быть таможенный осмотр. Я волновался. Что делать, если таможенники будут осматривать мой багаж, ведь все было зашито в тюки, и если их распорют, как я зашью их обратно? Ведь ни иглы, ни ниток с собой не было. Но все обошлось. Глянув на меня, пограничник только спросил: «Оружие везешь?» Во блядь! Оружие!

«Какое оружие!» – распахнулся я. Знал бы ты, что я везу – анекдот бы потом друзьям рассказал. Брест миновали. Вот наконец и Москва златоглавая. Шел мокрый снег. Без проблем я взял билет на поезд до родной Кузни. Переночевав все у той же бабки, уже на следующий день я отправился в родную Сибирь. Багаж был в вокзальной камере хранения – таскать по Москве его не пришлось. Дал телеграмму родителям, чтобы встречали. Так закончилась моя немецкая

Эпопея.

Завод

Поезд медленно подходил к новокузнецкому вокзалу. Я собрал все свои баулы и стоял в тамбуре. За окном шел мокрый снег. «Хорошо не дождь», – мелькнула мыслишка. Вот поезд наконец-то остановился. Проводник открыл дверь, и я ступил на родную землю. Стал оглядываться, надеясь увидеть маму с братом или хотя бы отца. Но никого не было. Поняв, что меня никто не встречает, я взял в обе руки свои чемоданы с баулом, сумка через плечо и уныло поплелся на троллейбус. От вокзала до моей улицы было пять остановок. Добрался за тридцать минут, дошел до родительского дома, а вот и родная дверь обитая дерматином – железную мы сделали позже.

Открыла мать, брат был тоже дома. «Почему не встретили?» – обиженно спросил я их. Оказывается, моей телеграммы они не получили. Меня охватила злоба на весь мир, на почту, на родителей. Но я быстро успокоился – в конце концов я был уже дома.

Вечером, когда пришел с работы отец, мы начали распаковывать багаж. Чемодан конфет пришелся всем по душе, чего не скажешь о тряпье из Красного Креста, которым снабдила меня моя заботливая тетя. Батя был в недоумении: «Они что, думают, мы раздетые ходим?» «Передала твоя сестра!» – злорадствовал я в ответ. К спортивному костюму и кроссов-

кам мой брат оказался почему-то равнодушным. Это меня немного огорчило.

Но вот я и дома, тут же встала проблема: что делать с институтом? Ведь на дворе октябрь, до сессии оставалась всего пара месяцев, а учеба была безбожно запущена. Немного подумав и посоветовавшись с родителями, я решил взять академический отпуск. Ведь быть отчисленным я не мог – грозила армия на целых два года. Поехав в Томск, я наврал гору небылиц сотрудице деканата ТЭФ. Старался я зря – она легко раскусила мое вранье, но тем не менее отпуск мне оформила. «Главное позади!» – ликовал я. Наступило время подумать о трудовом стаже. Из Томска я снова вернулся домой в Новокузнецк.

В это время у меня произошел первый серьезный конфликт с моим младшим братом. Вообще должен сказать, что в детстве он был неплохим парнем и всегда бегал за мной, как хвостик. Я его, в общем-то, любил. Но моя неудачная поездка в Германию и запущенная учеба разозлили моего отца. Отец стал говорить моему брату, что вот, мол, к чему приводит непослушание. Братец внимал. И однажды, не помню из-за чего, вспыхнула ссора, как это бывает нередко между братьями. И мой младший брат – мой хвостик – сказал мне, старшему, чтобы я заткнулся, так как изо рта у меня воняет. Кровь бросилась мне в лицо – он наступил мне на большую мозоль: я действительно страдал плохими зубами. Кто знает советских стоматологов тех лет, тот поймет меня. Но это

сказал мой брат – нагло и презрительно. Я спокойно ответил ему: «Заткнись!» Тот твердил свое. Я начал орать на него, он не умолкал. И тогда, не выдержав, я хорошенько въебал ему по зубам. Во рту у него хрустнуло – я понял, что сломал ему зуб.

«Поделом хаму!» – решительно успокоил я себя. Вот этот-то случай и заложил фундамент будущих отношений между нами. Что ж, не у каждого хватит душевных сил просто простить, тем более виноватым я себя не считаю. Я защитил силой свой престиж старшего. Я ведь не знал, что мой брат растет хамом – это станет известно позже.

После этого в доме настала невыносимая обстановка для меня. Отец издевательски стал называть меня паханом. Я замкнулся. Когда я вспоминаю все это, то думаю, что правы те психологи, которые считают, что корни всех неурядиц надо искать в семье. Объясню свою точку зрения на этот вопрос. Читатель, вероятно, не забыл, что я неплохой астролог. Так вот, знаки китайского гороскопа в моей семье таковы: отец – крыса, мать и брат – драконы, я же – собака. Собака и дракон являются противоположными знаками и потому враждебны. Крыса и дракон принадлежат стихии Земля, а собака – Воде.

Так что мое душевное одиночество и отсутствие контакта в семье я объясняю этой противоположностью. С течением лет я в этом только убедился. Все они трое всегда были друзьями, я же всегда вызывал раздор и скандалы. Увы, родители не выбирают.

Так в тяжелой моральной обстановке я стал готовиться к эмиграции, надеясь, что вызов на постоянное жительство получу быстро. Ведь я был совершеннолетним, и мои документы обрабатывались отдельно и только на меня одного. Документы же на отца, мать и брата обрабатывались вместе. А работать для забугорного благополучия было над чем. Как говорили мне двоюродные сестры, мне прежде всего была нужна трудовая книжка и водительское удостоверение. Многие эмигранты в ФРГ из России просто делают эти трудовые используя свои связи, мне же надеяться было не на кого. Пришлось идти работать. Так как специальности у меня не было, я пошел на завод простым рабочим.

Этот завод – Кузнецкий металлургический комбинат – был гордостью нашего города. Построенный в 1932 году, он был воспет в стихах самим трибуном революции – Владимиром Маяковским. На дворе стоял 1992-й год, и рабочие руки требовались везде.

Я пришел в отдел кадров КМК имени В. И. Ленина, поговорил с представителем, и меня взяли посадчиком металла прокатного стана «450». Моя работа заключалась в том, что я должен был с помощью крана подавать в печь железные бруски. Никакой квалификации при этом не требовалось. Меня это устраивало.

Перед началом трудовой деятельности я прошел медицинскую комиссию. Все было в норме, кроме высокого давления. Но препятствием трудовым страницам моей биогра-

фии этот факт не стал. У завода, кроме всего прочего, был прекрасный стоматологический кабинет, оборудованный по западным стандартам. Там я смог наконец-то частично подлечить свои зубы.

Первого февраля 92-го года я вышел в свою первую трудовую смену. Она протекла ненапряжно для меня. На складе мне выдали робу сталевара – суконная куртка и брюки, а также ботинки с железным носком. Мастер объяснил мне, что и как делать. Так я стал рабочим славного завода. Работали мы вдвоем на две печи – у каждого своя. Работали по полчаса и столько же отдыхали. В это время на смену нам выходила другая пара посадчиков. Краном мы отгружали бруски на специальных настилах на железном полу выравнивали их и поочередно загружали по порции железа то в одну, то в другую печь. На обед нам отводился час. Ели в цеховой столовой, расплачивались талонами.

Все было нормально, но очень не нравились мне ночные смены. Хоть я и высыпался дома перед выходом на работу, все равно уже под утро, где-то в четыре – пять часов, ужасно хотелось спать, я буквально клевал носом.

На работу я ходил в суконной сталеварской куртке, и хоть рабочие посмеивались надо мной из-за этого, тем не менее я был горд показать всем, что я металлург. Коллеги по цеху дали мне прозвище «студент». Меня это не обижало, хоть и было прозвище избито-киношным.

В этот же отрезок времени я записался в автошколу на во-

дательские курсы. Кроме того, каждый вечер после работы я занимался немецким языком по самоучителю – готовился к общению с немецкими «сверхчеловеками». Тяжело мне было физически, к таким нагрузкам я не привык. Читатель, не подумай, что я нытик. Все дело в том, что отдыхали мы мало. Ведь прокатный цех – это непрерывное производство, поэтому мы три дня работали и только один день отдыхали, и так по кругу. Три дня днем – отдых, три дня с 16.00 до 24.00 – отдых, три дня в ночь – отдых.

В марте я пошел на недельные курсы для подкрановых рабочих. Этот отдых от завода меня очень обрадовал. В конце курсов я сдал устный экзамен и получил корочки стропальщика.

К моей каске была прикреплена бирка подкранового. Потом время потекло в изнурительном труде. Газовое пламя печи часто обжигало лицо, поэтому стричься я стал коротко. За время работы я похудел на пару килограммов. Посещал автошколу, наконец в марте я получил желанное водительское удостоверение – можно было водить автомобиль. И хоть у нас и был ВАЗ-21011, но чтобы заикнуться перед отцом поводить наш «Жигуль», не было и речи. Отец не дал бы, поэтому я его даже не просил. Да и ездить, собственно, было некуда. На завод я ездил на трамвае, он был в трех остановках от дома.

Приходя с работы домой, я только слушал насмешки моего родителя: «Посадчик идет!» Все это было мерзко и унизи-

тельно, но я терпел, презрев все, и занимался своим немецким. Так шло время. Проработать мне надо было всего полгода, поэтому я запасся терпением.

Заодно я понял важность диплома. Я не хотел бы всю жизнь гореть у печи. Кроме того, дышать газом еще и просто вредно. Однажды мне в помощь дали вальцовщика со стана, их задачей является вставлять заготовки щипцами в валки стана. Он работал со мной, все было, как обычно, в норме – в конце концов он был молодой, здоровый парень. И вот он отошел к пробойне в стене подышать свежим воздухом. Я наблюдал за ним, он стоял спиной ко мне и вдруг стал оседать и потом просто упал на пол, ударившись затылком о рельс. Я подошел к нему и оценил ситуацию. Он был без сознания. Все ясно – надышался газом. Я тут же позвал мастера. Дальше мы работали втроем. Недостаток работы втроем заключается в том, что каждый из трех по очереди один час работает и только полчаса отдыхает. Мои напарники были различные люди: то это был солдат стройбата – парнишка с глупым деревенским лицом, то талантливый алкоголик. Последний мог прийти на работу вдребезги пьяным, так что мастер вынужден был отправлять его всякий раз домой.

Алкоголик умел резать по дереву весьма неплохо, как он сам мне хвалился, хоть ни одной его работы я и не видел.

Настоящим подарком судьбы во время смены были для меня перевалки. Так называется смена валков стана на другой профиль проката. Например, с рельса на уголок. Во вре-

мя перевалки трудились только вальцовщики, меняя валки с помощью крана. Мы же посадчики были свободны. Перевалка длилась всегда четыре – пять часов, а то и всю смену. Моя радость понятна. В свободное время я не шел сидеть с рабочими. Я гулял по территории комбината. Однажды я забрался на домну. Моему взору предстала фантазмагорическая картина. Из доньшка доменной печи текла струйка яркого расплавленного металла, тут же рядом за железным столом сидели трое молодых рабочих, голые по пояс, и весело зубоскалили. Грязные лица озарялись белозубыми улыбками. Шла игра в карты. На столе стояла опорожненная бутылка водки. «Это же просто черти в аду», – поразило меня сравнение. Посмотрев на них еще немного, я спустился вниз.

Во время перекуров между работой, особенно в ночные смены, я любил размышлять. Так, сидя ночью на лавочке возле горящих печей, выбрасывающих вверх двух, а то и трехметровые языки зеленого пламени, под жар, шедший от свежих болванок, меня поразила мысль. «А ведь я работаю в аду тем самым мифологическим чертом, и в железных чурках находятся на самом деле души грешников, которых крапом я сажаю в печь». Мифологический ад, в который верить вообще просто глупо, вероятно, если и есть, то находится не где-то под землей, вот же он – перед моими глазами. Ночь, звезды, жар и пламя печей, и мы при них черти – рабочие, пропитанные железной пылью, которая не отмывалась до конца даже под душем в конце смены.

Странно, но после этой догадки ночью во сне я почувствовал, как у меня на голове выросли рога.

Время шло, текли трудовые будни. Вот и весна. Наконец-то нам повысили заработную плату. Начинал я работать за полторы тысячи рублей, через два месяца получил пять тысяч рублей. Но за деньги приходилось бороться. Когда в кассу цеха приезжал кассир с наличными, у окошка выдачи начиналась подлинная свалка. Толпа рабочих, и каждый из них стремился в числе первых получить заработанные. Читатель, вероятно, помнит те времена, когда почти везде задерживали зарплату. Не было исключением и наш завод. Но я ужом пробирался сквозь толпу работяг и всегда успевал получить свои рубли. Свои деньги я пока ни на что не тратил. Моей целью было приодеться. Поэтому позже я все же купил себе в нашем городском универмаге отличный китайский пуховик, в котором не стыдно будет показаться в Томске. Ведь я решил после полугода работы снова возобновить учебу. Я – белая косточка, интеллигент, черная работа не мой удел. Потом я весь свой заработок пустил на одежду, купив норковую шапку-формовку, туфли «Саламандра», пошил в ателье брюки из тонкого коричневого драпа, приобрел шикарный двубортный костюм и так далее. Одним словом, одет я теперь был что надо. Как я уже сказал, за каждую зарплату приходилось бороться, так я и поступал, поэтому всегда в срок получал свои трудовые.

Наконец, читатель, постепенно мы подошли с тобой к са-

тому главному в этот период моей жизни. Это, конечно, женщина. Работа на комбинате свела меня с очень красивой особью противоположного пола. Ее звали Люда, ей было тридцать два года – на десять лет старше меня. Ее лицо имело правильные красивые черты, она была полутатарка, с ее слов. Фигура была ядреной и налитой. Одним словом, самка что надо. Выделил я ее сразу, и понравилась она мне с первого взгляда. Долго я наблюдал за ней, стараясь делать это незаметно. Поводов к сближению не было. К тому же я не хотел слышать насмешки рабочих. Наконец я заметил, что она, будучи на нашем участке, начала поглядывать в мою сторону. Но дальше дело не шло. Вскоре удобный случай представился. Мы сидели одни, я и она, на лавочке для отдыха в нашем уголке. Никого из коллег в данный момент рядом не было. Она первая что-то спросила у меня. Я понял тут же – она моя. Мы разговорились.

«Главное действовать спокойно», – успокаивал я себя. Тут возникло неожиданное препятствие – она была замужем. Вообще глупо было ожидать другого, ведь не жениться я на ней собирался.

Но впоследствии мы стали довольно часто общаться, шла к концу весна, близилось лето. Работать в цехе у раскаленной печи становилось все невыносимей. Если зимой печи приятно грели, то летом они изматывали своим жаром. Я начал считать дни до увольнения. Разговоры с Людой начали мне надоедать. Однажды уже летом, мы, как обычно, сидели на

лавочке в цеховом дворике и болтали. Я внушал ей иносказательно, что в супружеской неверности нет ничего особого. Явление это было для меня в те годы вполне нормальным. Ведь речь не шла о верности моей жены, какое мне дело до других. Наконец ей тоже надоели мои виляния вокруг да около. Она просто спросила меня: «Что ты от меня хочешь?» Мой ответ был также обескураживающе прост: «Я хочу, чтобы ты изменила мужу». Теперь между нами воцарилась ясность. Она сказала что ей нужно время подумать. «Хорошо, подумай», – решил я.

Объясню читателю, что меня толкнуло на этот шаг. Да, она была красивой бабой, но что с того. Красивых баб – каждая на свой лад – в принципе немало.

Все дело в том, что впервые в жизни я испытал знак силы. Это я осознаю позже, после знакомства с трудами дона Карлоса Кастанеды. Подробно расскажу тебе, читатель, об этом.

Подходила к концу ночная смена. Было полшестого утра. Я как раз сделал очередную посадку в ненасытное жерло печи. Появилась Люда – ее смена начиналась с утра. Я, стоя у печи, глянул на нее. И вдруг, внимание, мне в лицо ударила молния – яркий сноп света. Ударив мне в лоб, энергия как колокол обтекла мое тело и ушла вниз. Это было впервые в моей жизни. Я как вкопанный долго стоял и смотрел на нее, переваривая случившееся, полностью лишенный дара речи. Люда, ничего не заметив, приветливо кивнула мне. Такое явление – его так и называют «молния» – бывает нередко с

влюбленными людьми. Но обычно это бывает сразу, с первого взгляда, у меня же «молния» появилась со значительной задержкой. Странно.

Этот знак дал мне понять, что я должен овладеть ею. Я загорелся этим желанием, к тому же мой объект вожеления был весьма сексуален и вызывал желание.

Итак, сообщив Люде прямо, чего я от нее хочу, я ждал от нее ответа. Понятно, что ей, как замужней женщине, было нелегко решиться на подобный шаг – полезть в постель пусть и к интересному, но все же первому встречному парню.

Где-то через неделю после нашего кардинального разговора она дала мне телефон сестры и сказала, когда у нее будет.

Просила меня позвонить. Торопиться я не стал – на носу был срок моего увольнения. Приближалось первое августа.

«Так и прошла моя трудовая юность, – думал я, – конец изнуряющему труду». Наконец настала долгожданная дата – 01.08.92.

«Конец каторге!» – ликовал я. Выйдя в цеховой двор после смены, я с радостью пнул опостылевшую рабочую каску в воздух. «Все, пиздец, кончено». Сдал рабочие ботинки на склад, чинно уволился, выполнив все формальности. Но вот блядство, желанной трудовой книжки мне так и не дали, сказав, что для этого надо отработать минимум один год. «В пизду вашу трудовую», – разозлился я. Хватит с меня этой ебаной каторги. Меня ждал Томск, а впереди был самый

сложный третий курс. Я решил вернуться от тэфовских дебилов па свой родной физтех, но не знал, получится ли это.

Отдохнув первую неделю от работы, я понял, как я устал: при ходьбе ныли ноги. «Это истощение», – понял я. Ведь в Сибири кроме картошки и мяса ничего не едят – какие там витамины. Достав с атлетических времен пузырек «Декамевита» – это поливитамины – я начал их принимать по одному драже в день. Ногам стало легче – боли начали униматься. Пора было вспомнить и о Люде. Я немного волновался. Как мы договорились, я позвонил ее сестре, которая жила в моем микрорайоне. Людмила была у нее, и мы тут же договорились о встрече. Выбрали воскресенье. Я знал, все мои уедут на дачу, я же под каким-нибудь предлогом останусь дома. Так я и сделал, хотя мать упорно говорила, чтобы я ехал с семьей на ненавистную дачу – полоть ебаную траву, поливать посадки, одним словом – делать опостылевшие еще с детства хозяйственные работы на участке. Сославшись на невыносимые боли в животе, я остался дома. Принарядившись в модные тогда голубые джинсы-пирамиды и новую рубашку-поло, я стал ждать Люду. Она позвонила в мою дверь около десяти часов. Я впустил ее, тут же у порога обнял, мы начали целоваться. Перешли в зал на софу, я гладил ее грудь, целовал ее в губы и шею. Наконец я повел ее в родительскую спальню, где предварительно расстелил свежее белье. Я раздел ее и разделся сам. Голая она была великолепна. Белая кожа полных налитых ног привела меня в неистовое

состояние. Я бросился целовать ноги. Но вот настало время вставить. Но увы, мой член оказался предателем – эрекции не было. Но я не отчаялся и нагло спросил, не возьмет ли Люда в рот. Это было в порядке вещей для меня. Читатель уже знаком с прытью и сообразительностью моих бывших подруг-студенток. К сожалению, Люда не была отягощена интеллектом и поэтому сосать наотрез отказалась. Мастурбировать – ставить балду – я тоже не стал, пенис был абсолютно расслаблен, никакого намека на эрекцию. Засунув ей палец в пизду, я горько пожалел о несостоявшемся совокуплении – пизда была тугой и влажной. Обидевшись, Люда отвернулась от меня. Ситуация требовала разрядки. «Ты, наверное, думаешь, что ты старая для меня, и поэтому у меня ничего не вышло?» – ласково спросил я ее. Она молча задумчиво кивнула. «Не огорчайся, ты великолепна во всем виноват я один», – продолжил я.

Я не стал развивать теории об упадке сил от тяжелой работы в смену. Тем более что где-то я читал, что ночные смены особенно вредны для потенции. Ночью нужно спать, а не работать. Коротко я сказал ей об этом, она ответила, что ее муж тоже работает ночью и у него все в порядке. Мне стало очень обидно. Очевидно, я не создан для случайных встреч – позднее судьба подтвердит эту печальную истину. А как хотелось задрать эту ядерную бабу!

Мы молча оделись, и она сказала, что ей пора идти. Я проводил ее и долго смотрел ей вслед с балкона.

Впоследствии мы встретились с ней еще раз. Она зашла от сестры ко мне, но экспериментировать с кроватью я больше не решился. Она ушла. После я звонил ей один раз, но Люда ответила, что больше не придет. Так она поставила точку на нашей интрижке. Я был рад, что эта тягомотина наконец-то закончилась. Впереди меня ждала наконец-то учеба, по которой я так соскучился за прошедший год.

Подходил к концу август. Впереди сентябрь, а с ним и мой Политех. «Снова чертов Семенец», – грустил я. Но надо было учиться. Прикупив еще пару шмоток, я засобирился в Томск.

Кроме Люды и моего фиаско с ней, август больше ничем значительным в моей жизни не ознаменовался. Азы немецкого языка я одолел за эти трудовые месяцы. Водительское удостоверение получил тоже. Оставалось ждать вызов. Когда он придет – неизвестно, а жить надо сегодня, здесь и сейчас. Настроенный в этом ключе, я спокойно отправился в Томск.

Моя любовь

Прибыв в Томск, я не отправился в свою старую физтеховскую общагу. Решил жить в общежитии ТЭФ. Перевод на физико-технический факультет я представлял себе смутно.

Комендант общежития выдал мне белье и показал комнату. Это была маленькая комнатуха, рассчитанная на двоих жильцов. В ней жил парень, мой ровесник, к тому же один. Мы познакомились, немного поговорили о музыке. Выяснилось, что он тоже был фанатом «Металлики». А так ничего особого. Перед сном в мою первую ночь на новом месте мы тихо послушали музыку – у него была отличная аппаратура, и я мирно уснул.

Проснулся ночью от громкого стука в дверь. Мой новый знакомый спал. Стук не умолкал, и наконец дверь мощным пинком была просто выбита. Хозяин комнаты наконец встал и подошел к двери. Я лежал за перегородкой и напряженно наблюдал за происходящим. Как выяснилось, это был старый знакомый моего соседа – он был вдребезги пьян, и ему было необходимо размяться. Он настойчиво допытывался, не быкует ли кто на этаже. Хозяин комнаты, имени, к сожалению, не помню, отвечал, что на этаже все мирно. «О! А это кто?» – воскликнул ночной гость, увидев торчащие из-за перегородки мои ступни. «А ну вставай!» – обрадованно сказал Леша с Юрги – так звали этого зверя. Я встал перед ним

в трусах, стал его разглядывать. Он был моего роста, коротко стрижен, в короткой кожаной куртке и спортивных штанах. «Ясно, лысая блядь, крутой», – насторожился я. Я зевнул. Тот крутой начал доебываться, почему я не встал. Я молчал. Вдруг свет померк, я провалился в темноту на короткое время. Придя в себя, я увидел как юргинец тянет меня за руку в коридор. Я как был в трусах, так и вышел. В коридоре стоял еще один крепкий бык и их самка в стороне. До меня дошло: эти пидарасы меня построили, представление, видимо, предназначалось для самки. Увы, то, о чем я раньше слышал, теперь испытал на собственной шкуре. Поглазев на меня секунд двадцать, крутая падаль съебалась. Я стоял понурив голову, мне было мучительно стыдно. Меня как последнее чмо построили. Открылась выбитая дверь, и мой новый знакомый затащил меня в комнату. Я оделся, было не до сна. Мы заварили чай, и я стал спрашивать, что произошло, как это было. Оказывается, когда в моем сознании померк свет, я получил сильный удар в челюсть, упал и ударился зубом об электрокамин. Зуб откололся, а я потерял сознание на пару секунд. Дальше как меня построили эти крутые бляди, читатель уже знает.

Весь следующий день я провел в трансе. Я пролежал весь день на кровати, отвернувшись к стене. К соседу пришли друзья, узнав о происшедшем со мной, посочувствовали. Мне было все это глубоко безразлично. Я понял, теперь эти твари придут еще и будут унижать меня. Этого я допустить

никак не мог. «Надо уходить срочно с ТЭФ и с этой ебаной общаги», – понял я. На следующий день я походил по деканатам обоих факультетов, утряс все вопросы, и меня снова взяли на родной физико-технический.

Так судьба пиздюлями вернула меня на родной факультет. Я пришел к коменданту нашего общежития Надежде Ивановне и спросил, где мне жить. Я сказал, что с Семенцом жить не хочу. Стали думать, куда меня поселить. Она предлагала варианты, но все они мне не нравились. В конце концов я согласился вернуться третьим в свою старую комнату к Семенцу и Наяндину. О своем позоре на ТЭФ я решил железно молчать.

Мои бывшие друзья встретили меня прохладно но мне было наплевать на это. Я был озлоблен на жизнь – мне остопиздело советское общежитие. Учебу на третьем курсе я возобновил со студентами 1973 года рождения. Я отстал в общей сложности на три года. Как в морфлоте побывал! Впереди был самый тяжелый пятый семестр. Электроника, которую я всегда ненавидел, теоретическая физика, математическая физика – тут уж было не до халявы. Все эти экзамены надо было сдать письменно. А у меня был такой перерыв. Но ничего не поделаешь – пришлось впрягаться. Я учился старательно, как мог. За прошедшие годы я сильно деградировал. О моей физматшколе остались лишь воспоминания. Поэтому и тройкам я был рад. «Главное – сдать!» – был мой девиз. Прошел худо-бедно семестр – вот и зимняя сессия на

носу. Электронику и математическую физику я сдал на тройки с первой попытки. За теоретическую физику я волновался меньше. Но все-таки именно на ней я пролетел в первый раз. Это меня не испугало. Был у нас один балбес по имени Слава Чуприков, так вот он сдавал этот предмет целых пятнадцать раз!

Семенец очень интересовался моими «успехами» на экзаменационном поприще. Мне смешно об этом говорить, но этот крест из Барнаула думал всерьез, что я тупой и мне просто тяжело учиться. Но это его дело. Теоретическую физику я сдал на три со второй попытки. Надо сказать, что наш профессор Кольчужкин был очень требовательным преподавателем. Он был известным на Западе экспертом в области теоретической физики. Его статьи даже печатались в западных журналах. Одним словом – величина!

В общем, сессия прошла мирно, хоть и не блестяще. Но что взять с меня – горе-студента. Отстрелявшись на тройки, я успокоился. Наступил новый 1993 год. Мои ровесники, с которыми я начинал учиться, были уже на пятом курсе!

А я только на третьем, впереди еще два с половиной года. Опишу события, которые происходили в общеаге за то время, пока я работал дома в Новокузнецке. В нашем общежитии появились крутые. На восьмом этаже, где проживали наши физико-химики, выделилась группа бывших студентов. Во главе их стоял Кувшин. Настоящее его имя – Олег Брагин, я жил с ним на абитуре 1987 года и немного знал его. Его

история была проста. На первом курсе старшаки заставляли его мыть за собой посуду – одним словом, унижали его. Он, как и я, занимался в молодости штангой в спорткомплексе «Томь», со временем почувствовал силу. Старшаки ушли, и он понял – его время пришло. После нового 92-го года Кувшин с группой единомышленников «поднялись». Они отхуярили чайником по голове пол-этажа. У других же появился страх.

Так Брагин и его бригада стали нашими крутыми. Впоследствии они, полностью забросив учебу, обложили данью ларьки на базаре и тому подобное. В общаге было беспокойно. Наш пятый этаж отличался сравнительным спокойствием, на восьмом же царил беспредел.

Кроме того, и на нашем пятом становилось беспокойно. Студенты с Казахстана, а их было много, в основном 73 и 74-го годов рождения, отличались склонностью быковать. После каждого пьянок, особенно под Новый год, этаж был усеян битым стеклом. А однажды кто-то из них написал кровью свое имя на стене. «Пиздец, – думал я. – Где я? Среди студентов или на зоне строгого режима?» На этот вопрос ответить было тяжело.

1993 год я встретил мирно – без драк и без эротических приключений. Сдал сессию, перешел на шестой семестр, который был уже легче предыдущего. Но и на шестом был серьезный момент – проект по электронике. Нужно было сконструировать и рассчитать схему операционного усилителя. О

самостоятельном выполнении проекта не было и речи. Поэтому я нашел светлую голову по электронике, и он сделал мне этот чертов проект всего за пять тысяч рублей. Это одна месячная стипендия тех инфляционных лет. Больше проблем с учебой не предвиделось.

Как-то, соскучившись, я навестил Жанну в ее рабочей общаге. Ушел заодно от остопиздевшего Семенца. Остался ночевать у верной Жанны. Мне было ясно, что она блядовала, но мы были свободными людьми, и жениться на ней я все равно не собирался.

Жанна в то время жила одна в своей комнате. Посмотрев телевизор, мы улеглись спать. О ебле я не думал – читатель знаком с моей ненадежной потенцией. Сосать же Жанна брезговала. Мы лежали голые в постели, странно, но мой член встал. Я попросил свою подругу подрочить мне его. Мне очень понравилось ощущать женскую руку на своей балде.

Дрочила она долго, наконец устала. Неожиданно уселась на меня верхом и начала ерзать. Минуты через три я бурно кончил, а она нет.

Неудовлетворенная, она пару часов еще ворочалась в постели. Мне же было безразлично ее состояние. Я был удовлетворен и доволен. Надо сказать, Жанна обладала стройной фигурой, а главное – ее пизда была тугой. Она меня устраивала, недоволен я был только ее дребезжащим, совсем не сексуальным голосом. Возможно, поэтому в постели не было

гармонии. Астрологически Жанна мне прекрасно подходила – она была Близнецы, а я Весы.

Так и протекало мирно начало 93-го. В общежитии было беспокойно. Вахты, всегда действовавшей в старые добрые времена, теперь не было и в помине. В наш дискотеку «Гамму» собирался всякий сброд, все без документов. В связи с такой плачевной ситуацией наш новый декан Колпаков принял решение о создании студенческого оперативного отряда. Об этом мне сообщил мой сосед по комнате – в прошлом мой друг Олег Наяндин. Он был лицом социально-активным, так как вел нашу дискотеку. Я знал, что он еще с первого курса мечтал об этом. Именно ему декан предложил сформировать оперативный отряд. За членство в нем студентам предполагалось доплачивать к стипендии две тысячи рублей.

Итого вместе семь тысяч рублей. Я подумал и решил вступить в отряд. Вскоре встал вопрос, кто будет им командовать. Наяндин был занят «Гаммой», Семенец не хотел. Командиром отряда стал я. Хотя я и был всегда трусоват, а на дворе стояли крутые времена – расплодилось лысая падаль, которым еще и молодняк подражал. Я преследовал стратегическую цель.

Я знал, что мне, как командиру студенческой оперативной группы, положена отдельная комната. Семенец мне остопиздел вкряк со своими подъемами. Я хотел жить один на спокойном семейном этаже.

Но в начале года свободной комнаты на девятом эта-

же не было. Надо было ждать лета, пока они освободятся. Ведь многие летом заканчивают учебу и съезжают с общежития. Итак, я был командиром оперотряда, Семенец моим заместителем. Мы все получили удостоверения внештатных сотрудников милиции. Мне, как командиру, выдали красные «корки», на которых золотыми буквами было написано «Оперативная группа». Солидно, бля! Я был втайне горд этим.

Остальным же выдали простые скромные удостоверения. Для занятий спортом нам выделили небольшой зал, в котором раньше проводились дискотеки. Звали его студенты коротко – «Репа». Ключи от него тоже получил я. Предполагалось, что мы – члены отряда – будем заниматься в нем боксом. Тренера наш заботливый декан нам тоже нашел. Он был удивительно похож на тренера Роки Бальбоа из фильма «Рокки» с Сильвестром Сталлоне.

Итак, отряд постепенно становился на ноги. Комендант общежития Надежда Ивановна поставила перед нами основную задачу – наладить вахту. Мы должны были каждый вечер дежурить на вахте и проверять документы тех, кто проходит в общагу. Делали мы это, честно говоря, спустя рукава. Кому охота в двадцать три года торчать весь вечер, как идиоту, в холодном холле. Вахта функционировала исправно только по выходным, в дни дискотек. Весь отряд, примерно шесть человек, были внизу на дискотеке и параллельно курировали вахту. Начало отряда было мирным.

Я, как командир, втайне ото всех принял в отряд троих человек фиктивно. В отряде они только числились и ничего не делали. За это они получали добавку к стипендии в две тысячи рублей. Половину этих денег каждый отдавал мне, а половину оставлял себе. Все были довольны. Таким образом мой доход в то время составлял десять тысяч рублей. Жить было можно.

Так шло время. Семенец проявлял значительное усердие в занятиях боксом. Он тоже преследовал стратегическую цель, как я понял позже. Я же в основном занимался в зале бегом и лишь иногда посещал боксерские тренировки. Для этого я привез из дома весь свой спортивный хлам – перчатки и боксерки – такие сапожки на шнурках для ринга. Моей страстью были нунчаки. Я завел себе пару отличных палочек, с которыми тренировался часами перед зеркалом в «Репе». Моим тайным желанием было раскрошить кому-нибудь череп своими нунчаками. К сожалению, такой возможности так и не представилось, а может, и к счастью.

В начале 1993 года я купил первый том Карлоса Кастанеды. Я был наслышан об этом писателе и знал, о чем пойдет речь в его произведениях. Сообщил мне о нем когда-то мой приятель Максим Гурин. Книги в продаже, в основном у частных торговцев, появлялись постепенно. Поэтому я пока довольствовался первым томом. Уже его обложка взбудоражила мое воображение. Она была проста, таинственна и необычна. На ней был изображен со спины человек, вероят-

но, жилистый старик, ноги которого были утоплены по самые ягодицы в песке, а вместо головы большая раковина. Я был заинтригован. Начал читать. Содержание я пересказывать, конечно, не собираюсь. По мере повествования я буду только сообщать о воздействии прочитанного на меня. Но поначалу ничего из ряда вон выходящего со мной не случилось. Поэтому перейдем к другим важным событиям в моей жизни.

Где-то в конце марта того же года я, заебавшись в доску сидеть в общаге, пошел в бассейн спорткомплекса «Томь» просто поплавать. Читатель уже знаком с «Томью» – именно там я когда-то занимался штангой. Хорошо поплавав, я сидел в холле спорткомплекса и размышлял, что мне делать дальше. Был зимний вечер, и в общагу идти не хотелось. Решил навестить старого друга Дюса, который последним из нас троих еще посещал тренажерный зал.

Медленно, с отрешенной пустой головой я поднялся на второй этаж комплекса. Заглянул в зал и тут я увидел ее! Это была невысокая молодая женщина, возраст которой было весьма трудно определить с первого взгляда. Идеальная фигура, обтянутая черными лосинами, сразу подсказала мне ее профессию. Я понял, она была тренером по шейпингу – это разновидность аэробики для женщин. Я дал ей двадцать лет, ее красивое кавказское лицо с идеальными чертами притягивало мой взгляд как магнит. Наконец она заметила, как я буквально пожирал ее глазами. Она пристально посмотре-

ла на меня. И тут я почувствовал невероятное. Черная молния ударила мне в подреберье! Но я не придавал этому значения. Я смотрел на ее черные вороненные волосы до плеч, при этом блики неоновых светов переливались на них. О Дюсе я совершенно забыл, вспомнил о нем позже. Он, увидев меня в дверях зала, подошел ко мне. Мы пожали друг другу руки, я спросил его об этой молодой красавице, спросил его так, между делом, стесняясь выдать свои эмоции. Он ответил смачно, эдак в своей манере, что, мол «телки здесь что надо».

«Решено, – подумал я, – познакомлюсь с ней обязательно». Я решил занять ее в свою кровать, сделать настоящей любовницей. Нужно было искать повод для знакомства. Я понимал, что такое совершенство природы не удивишь банальными подъездами. Читая Кастанеду, я усвоил – нужно действовать стратегически. По крайней мере, цель была ясна. Я должен был завлечь, как-то заинтересовать ее.

План созрел сам собой. В моем распоряжении был зал «Репа», как ты уже знаешь, мой читатель. Я решил, что скажу ей примерно следующее: «Хочу открыть группу аэробики для наших студенток и ищу хорошего тренера». Приманка что надо! К моему успеху, она сработала. Мы познакомились. Звали ее милым, добрым немецким именем Грета. Странно это при ее-то кавказской внешности. Я удивился, но имя есть имя.

Итак, Грета с восторгом приняла мое предложение. Я по-

здравил себя за изобретательность. Знакомство завязалось. На первых порах придется разыгрывать из себя заинтересованного предпринимателя. Но игра стоила свеч! Теперь я мог постоянно шляться к ней. Необходимо было запастись терпением. Я понял – это не шлюха, которая будет сосать на лестничной клетке. Игра впереди предстояла долгая и интересная. Главные герои спектакля – только мы двое. Я и она!

Ее совершенство приводило меня в бешеный восторг. Никогда еще в своей жизни я не видел столь безупречного существа противоположного пола. Моей первоначальной целью было ее конкретно выебать и не один раз. К тому же примерно в это же время я получил-таки отдельную комнату в общежитии, как командир оперативной группы. Козыри шли мне в руки. Оставалось проявлять смекалку. Условия для интимных отношений теперь у меня были превосходные, но комната требовала ремонта. Пока же я начал развивать события. Мы договорились, что она посмотрит сначала зал.

Помещение Грета пришла осматривать скоро. Это было после обеда, я как раз пришел «со школы» – так мы называли наш институт. Она была одета в свитер и черную мини-юбку из-под которой выделялись стройные сильные бедра. Я принес в зал магнитофон и включил музыку. Она, задумчиво наклонив голову, начала слушать. Я смотрел на ее профиль. Как она была неотразимо задумчиво-нежна в этот момент. Ее лицо выражало тихую печаль и бесконечную нежность. Нет слов, мой читатель, чтобы выразить мои чувства к ней

в тот миг! Я готов был любить ее по-настоящему вечно! Она покорила меня вмиг. В тот момент я понял, что пойду до конца, чтобы добиться ее.

Во время прослушивания в зал, вероятно, из любопытства, заглянул Семенец. Он увидел объект моей страсти. Позже, когда она ушла, он печально сказал мне: «Выеби ее, Эдик!» Я понял – он был покорен, как и я.

Вообще, скажу, между прочим, я обладаю совершенным вкусом истинного эстета. Во всем мне нравится только само совершенство. Именно поэтому я иногда так остро ненавижу мир этих уродов, в котором так мало истинной красоты. Поэтому я всегда ценил и ценю алмазы на помойке этой жизни.

Под видом деловых контактов я начал регулярно шляться к Грете на работу. По мере общения с ней я буквально увязал в болоте своей страсти все глубже. Она была неотразима во всем: в своем шарме, обаянии, детских капризах.

Ее ребяческий задор восхищал меня. Своих намерений на ее счет я прямо никогда не высказывал, предоставляя событиям естественный ход.

Омрачала мои дни лишь деятельность моего оперотряда. Среди студентов во времена популярности крутых лысых он наталкивался на явную враждебность. Крепкие парни отказывались вступать в него. Приведу пару ярких примеров из практики тех лет.

Как-то я взял путевку в студенческий профилакторий. У нас он славился своей хорошей кухней и был бесплатным. Я

завтракал, обедал и ужинал в нем регулярно в течение месяца. Как-то я даже заночевал в нем один в комнате. Хотелось покоя и отдыха от суетливых малолеток в общежитии. Придя на следующее утро в нашу комнату, я обнаружил небольшую лужу. «Наверное кто-то пролил воду», – подумал я, но сам в это до конца не поверил. Зашел и спросил Семенца, что это. Тот с вызовом ответил мне: «Нам под дверь нассали!» Меня взяла злоба – ему мочились под дверь, он все понял и не принял мер! Отбить палкой хуй подонкам! Я даже не знал, кто это сделал, чтобы была возможность отомстить гнидам позже – такого я не прощаю. На карту был поставлен престиж всех нас! Оставалось только молча выругаться. Вскоре последовал другой случай. Один наш полублатной студент Аркадий из Шевченко из доблестного Казахстана, выходцы из которого так любят побыковать, нажрался водки и послал одного черта за новым пойлом. Но черт оказался чмырем не до конца – за водкой идти отказался и с перепугу въебал Аркадию, после чего просто убежал.

Молодой горячий казахский бык пришел в бешенство. Схватил топор и начал разносить в щепки дверь комнаты, где жил черт. С этого момента я уже своими глазами наблюдал с Семенцом этот беспредел. Мы понимали, не надо лезть Аркадию под горячую руку и не стали мешать. Наконец он разнес злосчастную дверь в щепы до основания. Умаявшись, он остановился. Комната была пуста. После этого он с топором в одной руке обвел горящими глазами всех присут-

ствующих зевак этажа. Увидев меня дерзко спросил: «Ну а ты что скажешь?» Я молчал, за меня вставил слово мой зам Жека Семенец: «Мы тебе завтра скажем». Все разошлись, комната была открыта. Прошла ночь. Настал день разборок. Тут пришел студент из многострадальной комнаты и заявил, что ночью у него украли хороший спортивный костюм и пуховик. Я обрадовался: теперь-то я возьму Аркадия за глотку! С Жекой мы отправились к нашему «герою». Я поставил Аркадия перед фактом. Сказал примерно следующее: «Вчера все, а главное – мы, видели тебя в действии. За ночь были украдены вещи. В этом замешан кто-то из твоих друзей. Даю тебе час на то, чтобы ты вернул украденное. Если через час не будет вещей, пострадавший напишет на тебя, "милый друг", заявление в милицию. Мы дадим делу официальный ход». Я был краток. Семенец – любитель практической психологии – начал разжевывать Аркадию всю плачевность его ситуации. Он объяснил ему, что друзья Аркадия просто подставили его. Для всех именно он будет виновником этой кражи. А если учесть взломанную дверь, то юридически на Аркадии повисла кража со взломом. Парень наконец-то понял всю серьезность создавшейся ситуации. Он потел и краснел от волнения. Никакого сострадания к этому герою у меня не было. Холодно я сказал ему: «Время пошло!» Бедолага Аркадий исчез. Я засекал время и ждал. Я не намерен был прощать этому ублюдку его дерзость. По нему плакала тюрьма – это очевидно. Но через час нарисовался, вопреки моим рас-

четам, наш взломщик со спортивной сумкой. В ней было все украденное. «Блядство, – подумал я, – на этот раз ты выкрутился».

Но, как говорится, от судьбы не уйдешь. Аркадий, как я узнал позже, сел за банальную кражу магнитофона. Поделом ублюдку. Много нервов испортил я себе, будучи командиром опергруппы. Пишу лишь о том, что помню.

Приближался разгар весны. Грета сообщила мне, что у нее 14 апреля день рождения. Я решил ей показать впервые, что меня интересует не только наше деловое сотрудничество. Читая Кастанеду, я уловил, что маг действует, стратегически используя уловки. Хоть магом я себя не считал, туманно представляя, что это вообще такое, но опытом их я все же решил воспользоваться. Идея появилась просто. Мне на глаза попала коробка конфет, обычных конфет. Все дело было в коробке – она была красного цвета в форме сердца. «То, что надо, – решил я, – скромно и со вкусом». А главное, созрела мысль, как ей ненавязчиво намекнуть о своей страсти. Я купил конфет и через пару дней отправился к ней в спорткомплекс, где она учила упитанных самок борьбе с излишним весом. Увидев ее в спецодежде – облегающем спортивном костюме, стройную, невысокую и полногрудую – я еще раз поразился искусству природы создавать шедевры совершенства. Она, увидев меня в дверях, подошла ко мне, приветливо улыбаясь.

Я вытащил коробку конфет и, протянув ей, сказал: «Се-

годня твой день рождения, и я дарю тебе свое сердце». Сказал скромно и нежно. Она в восторге бросилась мне на шею и, повиснув на мне, поцеловала в щеку. Я был на седьмом небе от счастья. Она меня впервые поцеловала! Так у меня зародилась надежда на большее.

После этого она навсегда поселилась в моем сердце. Она стала моим Солнцем в беспробудном мраке этой жизни. Я думал только о ней, к другим девушкам я потерял всякий интерес. Однажды днем я лег вздремнуть после школы, чувствовал себя несколько вяло. Мне приснился сон, который показал мне истинную сущность Греты. Я увидел, что она живая! Объясню тебе это, мой читатель. Всех людей в то время я делил на живых и мертвых. Живые – те, кто полон энергии, красоты, яркой мысли, темперамента. Мертвые – скучные, равнодушные ко всему глупые люди, словом, противоположность живым. Во сне мы с ней были на каком-то застолье, и только мы оба ярко светились и были счастливы. Она обнимала меня. Остальные сидели все серого цвета и молча и зло смотрели на нас. Я трактовал этот сон как знак мне развивать события дальше.

Возможно, тебе, мой читатель, этот сон покажется скучным. Такой он и есть в сравнении с теми сновидениями, что меня посетят позже. Но ключевая роль этого сна в том, что он мне дал знак не отступать перед поставленной целью – завладеть Гретой.

Но немного позже, уже после именин, моя любовь огор-

чила меня: она показала мне свое фото со своим маленьким сыном. «Это мы с Вовкой», – протянула она мне глянцевый снимок. «Черт, ведь она замужем, – в доску расстроился я. – Но ничего, моей цели это не помеха», – тут же успокоил я себя. Получить ее в кровать – вот главная задача. Хотя вероятное наличие мужа могло послужить серьезным препятствием.

«Итак, читать Кастанеду и применять новые знания в деле обольщения Греты», – решил я.

Мы часто гуляли с ней. Однажды, помню, летом мы прошли с ней к берегу Томи и смотрели с обрыва в живописную даль. Я отвернулся и стал счастливо, как преданный пес, смотреть на нее. Она встретила мой взгляд и спросила меня: «Ты что, накурился?» Имелась в виду марихуана. «Ты действуешь на меня сильнее любого наркотика», – ответил я ей нагло. Мы медленно возвращались в город. Проходя мимо рабочего общежития, я увидел, как молодой кавказец пристально уставился на мою спутницу. «Понимает толк в женщинах», – польстило это мне.

Продолжались наши романтические прогулки, мы беседовали при этом о разном. Время текло медленно, и я дорожил каждым мгном, проведенным рядом с ней. Она как-то сказала, что ей нравится фильм «Чернокнижник», на что я таинственно ответил ей, что я тоже истинный чернокнижник – маг и астролог. Так я пытался воздействовать на ее воображение. Первое, конечно, преувеличение второе же – чистая

правда, ты ведь помнишь об этом, читатель.

Но время шло, а кардинальных перемен на эротическом фронте не наблюдалось – моя постель оставалась пуста. Я должен был придумать, как заманить ее к себе и расслабить. Пока мыслей не было.

Но, мой читатель, отвлечемся на время от моих любовных походов. Сейчас я хочу описать событие, главным героем которого был снова Жека Семенец. Дело в том, как тебе это уже известно, мой читатель, что Евгений был страстным картежником. Его игра была покером, или королевский покер, как его еще называют.

У нас в общаге появился бывший наш студент по прозвищу Ганс. Он освободился из мест заключения, где сидел за употребление наркотиков. Освободившись, он отправился кантоваться в общаге и вести праздный образ жизни. До Ганса дошли слухи из картежного круга, что Семенец мухлюет. Ганс стал на всех играх острить, что у Семенца надо смотреть, нет ли тузов в тапочках. Своими остротами он добился того, что подмочил репутацию Семенца, и с последним никто не желал садиться за карточный стол. Без игры Жека не мог жить. Это был для него удар ниже пояса. Он затаил злобу на трепло Ганса. Усердно занимаясь боксом, он ждал случая отомстить. Вскоре фортуна улыбнулась ему. К нам в нашу 514-ю, где я бывал иногда, зашел Ганс что-то спросить. Он был пьян. Дверь открыл Семенец и что-то резкое сказал ему. Ганс предложил выйти разобраться. Семенец

согласился. Мы все вышли в коридор наблюдать разборки. Это всегда было нашим любимым зрелищем. Вокруг Семенца и Ганса образовался большой круг. Все мы напряженно ждали, что произойдет дальше. Ганс стал медленно поднимать ногу, освободив ее из тапочка, намереваясь пнуть Семенца. Но тот дожидаться этого не стал, а шустро подскочил к Гансу и вѣбал ему прямым в челюсть. Ганс грохнулся затылком об бетонный пол и больше не встал. Так быстро все закончилось после единственного удара Семенца. Ганса взяли его приятели за руки и ноги и унесли. Это был Жекин триумф.

Впоследствии Ганс хотел взять реванш за свое поражение. Этого я уже не видел, все рассказал мне Семенец. Когда Жека пришел в комнату Ганса, не знаю, по каким-то своим делам, Ганс стал на него наезжать. Семенец, по его словам, недолго думая схватил деревянный табурет, подвернувшийся под руку, и расколол его об башку Ганса. На этом инцидент был раз и навсегда исчерпан. Семенца стали бояться и уважать. Ганс, судя по доносившимся до нас слухам, грозился порезать победителя. Но Жека стал предусмотрительно здороваться с Гансом, и все умялось. Так Евгений восстановил свою репутацию кулаком.

Жеке впоследствии не раз захочется испробовать свое боксерское мастерство на живых людях голым кулаком. Далее я опишу еще один случай, свидетелем которому я был сам.

Но заканчивался мой шестой семестр, и наступили летние каникулы. Собрав все необходимое, я уехал домой. Лето не запомнилось мне ничем особым. Продолжал покупать и читать книги Карлоса Кастанеды. Именно на почве этих книг со мной произошло очень важное событие за эти, в общем-то, скучные каникулы. Остановлюсь на нем поподробнее.

Как-то летом, где-то в середине августа, я стоял на балконе и курил. Ни родителей, ни брата дома не было. Я скрывал свою пагубную привычку от них. Стоял, курил и лениво смотрел на обступившие наш дом многоэтажки – мы жили на шестом этаже. Тихо, словно издалека, в мой мозг вплыла мысль, мысль что Грета не просто женщина для ебли, но что она подарок самой Силы мне. И дана она мне, чтобы тренировать Намерение. Здесь я применил два термина из Кастанеды, попытаюсь объяснить их тебе, мой читатель, конечно, если ты еще не знаком с шедеврами дона Карлоса. Сила – это примерно энергия, которая правит миром и за которой охотятся маги-воины. Намерение – инструмент воздействия на мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.